

ЧАСТЬ IV

«МЫ СДЕЛАЛИ ЭТУ..!»

Пролог

Клаймер

Однажды владыка подземного царства Ямарадж вздумал прогуляться по земле. Вылез он наружу и оказался на большом ледяном плато, вокруг которого стояли высокие неприступные горы. Долго смотрел Ямарадж на горы и, наконец, увидел маленького человечка, который ловко карабкался по стенам горы вверх. Он развешивал верёвки, вбивал в скальные стены какие-то металлические крючки, а другие железки вкручивал в лёд, быстро и уверенно продвигаясь к вершине.

Подивился Ямарадж: такая огромная гора и так послушна маленькому человеку, который делает с ней что хочет. Разве что иногда гора пускает на человека камни и делает трещины во льду, но он от камней увёртывается, а трещины преодолевает с помощью мудрёных приспособлений.

Не удержался Ямарадж и спросил у горы:

– Послушай, гора! Ты такая огромная и высокая, у тебя столько камня и льда, что ты легко можешь победить всё живое, что пытается тебя покорить. Так почему же ты повинешься тому, кто мал и слаб? Неужели тебе не хочется освободиться от этого жалкого маленького человечка, чтоб никому не подчиняться?

– О владыка! – ответила на это гора. – Не берись судить о том, что неведомо тебе. В твоём царстве одни мёртвые, у них и впрямь какая сила? Потому ты и мучаешь их, как тебе вздумается. Живой человек хоть и невелик ростом, зато силён телом и разумом. Все звери, и рыбы, и растения, и даже такие большие горы, как я, подчиняются ему. Попадётся тебе когда-нибудь живой, а не мертвец, и ты поймёшь, что это такое. Посмотрим тогда, кто кого одолеет.

Не понравились Ямараджу эти слова. Вернулся он в свои владения, кликнул слуг и приказал доставить в подземное царство мёртвых того самого живого человека. Отправились слуги на землю и увидели, что человечек уже залез на огромную гору. Подошли ближе к человечку, а он вдруг, как дракон, задышал на них паром через железную маску. Испугались слуги и стали ждать, что человек будет делать дальше. А он спустился по верёвкам с вершины и спрятался в свой маленький полотняный домик. Жилище качало от ветра, но не уносило, а человек как ни в чём не бывало разжёл огонь, вскипятил на нём воду, напился чаю и завалился спать.

Вот тут-то слуги приободрились:

– Это вполне подойдёт нашему господину, – решили прислужники Ямы, подхватили человека вместе с палаткой и помчались в подземное царство.

Неслись они как угорелые и так трясли палатку, что человек проснулся. Видит, что тащат его куда-то, и соображает: если это йети – снежный великан, то с ним легко справиться, он убежал от йети много раз. А если нечистая сила, как тогда быть? И поначалу немного струсил. А потом, будучи не из робкого десятка, стал выспрашивать у своих носильщиков, почему они так стараются и куда его несут.

Услыхал человек, что забрали его по распоряжению самого Ямараджа, и приуныл, потому что не хотелось в царство мёртвых, а хотелось покорить ещё много неприступных вершин. Но разве зря он наделён человеческим разумом? Думал-думал и наконец придумал. Обмакнул перо в чернильницу и написал на листе бумаги письмо:

«Всевышний бог Вишну – владыке подземного царства Ямараджу.

Дошли до меня слухи, о Ямарадж, что ты хочешь заполучить в свои владения живого человека, да ещё клаймера – восходителя на неприступные горы. Видно, забыл ты, что тебе положено забирать только погибших, замёрзших на горе клаймеров? Чтобы напомнить тебе об этом, решил я сам принять образ живого восходителя и самолично предстать пред тобою. Так и быть, не стану отчитывать тебя при твоих подданных, потому и написал это послание. Однако, чтобы избежать моей кары, как только увидишь меня, немедленно залезай на ту самую гору. А с неё отправляйся за решением своей судьбы ко мне на небеса.

Кстати, знаешь ли ты, безмозглый, что эта гора носит имя моей жены – Аннапурны? Не знаешь? Тогда горе тебе!..»

Добежали прислужники до преисподней и поставили палатку с клаймером перед Ямараджем. Не теряя времени, вскочил клаймер на ноги и вручил владыке мёртвых своё послание. Прочёл его Ямарадж и тут же приказал всем выйти, а когда удалились прислужники, спустился с трона и склонил перед восходителем голову.

– Прости меня, великий Вишну!

– Что же ты медлишь? Выполняй приказание! Здесь говорить не будем – встретимся у меня на небесах! – величественно произнёс человек.

Кликнул Ямарадж слуг, приказал им во всём подчиняться пришельцу с земли и поспешил на гору Аннапурна, а с неё – во владения бога Вишну. С большим трудом, но взобрался Ямарадж на вершину, затем достиг небесной обители и предстал перед всевышним. Увидел Вишну дрожащего от страха владыку подземного царства и воскликнул:

– О Яма! С какими новостями ты пожаловал ко мне? Уж не случилась ли беда в твоих владениях?

– О великий бог! – удивился Ямарадж. – Ты же сам повелел мне явиться сюда. Как видишь, я исполнил твою волю. Я знаю, велика моя вина, и всё-таки прошу тебя, о всевышний, смени гнев на милость!

С этими словами Ямарадж склонился перед Вишну. Но всевышний удивлённо посмотрел на испуганного Яму. И только когда владыка преисподней рассказал обо всём, что с ним приключилось, Вишну наконец понял причину его страха и покатился со смеху.

– Ну и поделом тебе, Яма. Хотел померяться силами с клаймером? Вот он тебя и проучил! Как видишь, не так-то легко справиться с живым, наделённым силой ума и ловкостью тела человеком. Недаром даже моя жена Аннапурна считает его самым достойным в мире и подчиняется человеческой воле. Возвращайся домой и с уважением проводи клаймера обратно на гору, где ему и подобает находиться. А тех, кто уже замёрз и чьё сердце остановилось, так и быть – возьми в своё царство.

ГЛАВА I

Портер и сагиб

Находясь в эти майские дни в Непале, я, как, впрочем, и всегда, был погружён в заботы об очередном восхождении и не задумывался о том, что это за дни. Болтаясь по вечно толпящемуся, шумяще-гремящему, пыльному и дымному Катманду, я то и дело замечал какое-то дополнительное к обычному оживление. По городу двигались оркестры, колонны людей с транспарантами, школьников с флагами. Надо сказать, что, несмотря на общую бедность, в школах страны существовала единая ученическая форма сине-голубых, розово-бордовых, серых, зелёных и, разумеется, белых оттенков; и школьники были всегда узнаваемы. Но их привели что-то слишком много.

В какой-то момент колонны выстроились вдоль улицы Нью Роуд, оркестры заиграли, а на самой улице, где закрыли автомобильное движение, появились кареты, запряжённые белыми лошадьми. Ну, наверное, очередной праздник. У индуистов-буддистов праздники частые и большие, поэтому, посмотрев – далеко не в первый раз – на это разноцветье и разнолюдые, я уж собирался продолжить путь по своим делам, но вдруг заметил...

В каретах сидели явно неординарные люди: не смуглые и маленькие непальцы, или индийцы, или другие представители азиатского континента, а белые и объёмные европейцы и американцы, в основном пожилого возраста. Я остановился, почитал надписи на транспарантах, а потом и спросил у кого-то из зрителей о сути происходящего. И тут наконец осознал – ба! – да это ж 50-летие первого покорения Эвереста!

В каретах находились восходители-ветераны, а более молодые шли следом. Не занимаясь глубоко историей освоения высочайшей вершины мира и не особенно интересуясь биографиями тысяч её покорителей, пару десятков имён я всё же знал, и большинство из них составляли мои современники и даже товарищи. Но это же нормально, да? Скажем, вы лишь на бытовом уровне знакомы с космонавтикой, и вдруг спрашивают: назовите известных космонавтов. Наверняка вы вспомните Юрия Гагарина, Валентину Терешкову, Алексея Леонова, а из зарубежных и вообще никого. Так и я, хоть бы и во сне, мог произнести имена первопроходцев Эвереста – Эдмонда и Тена, да и фотографии их многократно видел. А сейчас наблюдаю живьём. Один, высокий даже в сидячем положении, с продолговатым лицом, явно узнаваем. Неужели Эдмонд, или Эд, как его обычно именовали? Да, это был он. А где *второй*?

Сразу подобралась шальные мысли о том, как бы подобраться к старику, зацепить его, раскрутить на воспоминания-откровения? Но удастся ли?! Впрочем, вопрос был не совсем уж нерешаемым. К тому времени я обзавёлся в Катманду друзьями, знакомыми – как непальцами, так и россиянами, и, вернувшись в отель, начал им названивать и просить о помощи. Выяснил, что именно в этот день, 27 мая, в английском посольстве состоится большой приём в честь знаменательной даты. Как попасть на него? Все ответы выходили абсолютно неутешительными: никак! Наши посольские, разводя руками, конфиденциально поведали, что на этот приём не приглашён даже посол. И не только российский, но и другие послы. В принципе, причины лежали на поверхности. И та, почему приём организовали британцы на своей территории: самая первая удачная экспедиция 1953 года на Эверест была всё же английской. И другая: приём предназначался исключительно для альпинистов. Н-да...

А что у них дальше? Мы стали изучать программу торжеств и увидели, что на следующий день альпинистов повезут в национальный парк Кокани недалеко от Катманду. Попасть туда, конечно, можно, но эта поездка будет скорее ритуальной: восходители посадят деревья и минутой молчания почтут память погибших альпинистов. Возможностей для разговоров не предвидится. Вечером состоится правительственный приём, где гостям юбилея вручат памятные медали. На третий день торжеств запланирована встреча с королём Гьяном и королевой Ком. Посещение обоих «списочных» мероприятий – тоже без вариантов. Но! Лучом света в «закрытом царстве» – для простых альпинистов вроде меня – может стать заключительный банкет: на зелёной поляне разобьют шатры и состоится нечто вроде народно-альпинистских гуляний. Просочиться сюда можно попробовать. И я просочился.

Да, он действительно был высок. Ранее поджарый, подтянутый, а теперь, в 83 года, грузный, массивный. С угловатой головой, большими ушами и выдающейся вперёд нижней челюстью. Сэр Эд. Именно так. Титул «сэр» получает человек, пожалованный королевой в рыцари. Рыцарь-командор ордена Британской империи. И многократно первый. Первый человек, покоривший Эверест, – это понятно. Но если бы только это. После Эвереста Эду сдавались ещё вершины и даже оба полюса – Северный и Южный. Первый человек, побывавший на двух полюсах и высшей точке планеты Земля. Сейчас, в 50-летнюю дату со дня покорения Эвереста, он, снова первым, теперь из иностранцев, стал почётным гражданином Непала...

Конечно же, Эд не сидел в одиночестве: вокруг живой легенды находились такие же или чуть поменьше великие, которые говорили, смеялись и чинно прихлёбывали из своих бокалов. Рядом не виднелось охранников, и я улучил момент, чтобы подойти. Рассчитывать на интервью и даже продолжительный разговор не приходилось: не ко времени и не к месту. Может быть, попробовать договориться о встрече в будущем? Поломав голову, я решил на экспромт.

– Сэр, здравствуйте, я – русский журналист. Тысяча извинений за беспокойство, но у меня только один короткий вопрос...

Тут я решил «спекулировать» фразой Эда, сказанной после знаменитого восхождения и вычитанной мной в русском переводе книги «Южное седло» («South Col»). Высказывание звучало так: «О'кей, мы его нокаутировали!» Я прекрасно знал, что в реальности оно произносилось иначе, но нарочно решил «подколоть» альпиниста:

– Вы действительно сказали после восхождения «ОК, we knocked it!»? Наши переводчики преподнесли ваши слова так...

Эд, первоначальное выражение лица которого ясно выдавало нежелание общаться, выразил удивление, потом вдруг громко захохотал и сказал сквозь смех:

– Нет!!! Это ваши советские переводчики написали «это». И сами себя «нокаутировали». Я сказал по-другому. Я сказал: «Well, we knocked the bastard off!»

– Bravo, сэр! – отреагировал «русский журналист», полагая, что понравился герою альпинизма. – А могли бы мы поговорить подробнее?

– Сейчас, к сожалению, нет. А дальше... Вы знаете, через три дня я буду в Кумджунге. Это недалеко от Катманду и легко добраться. Там мы сможем спокойно поговорить. Я вижу, вы серьёзно интересуетесь и хорошо подготовлены к беседе. Надеюсь, вы знаете, где находится Кумджунг.

Оставалось заверить сэра Эда, что я в курсе про Кумджунг. О нём знает каждый, кто путешествовал по самому популярному в Непале маршруту – к базовому лагерю Эвереста. Тридцать минут полёта из Катманду; затем двух- или трёхдневный, в зависимости от подготовки, переход, и вы будете на месте.

Попрощавшись с Эдом и выпив с друзьями, – а выпить было что, хоть непальского рома, хоть британского вискаря, – я, заинтригованный, углубился в поиск собственных смыслов смягчённой СССРовским толмачом фразы восходителя. Поиграв значениями глагола «knock», я понял, что перевести это как нокаутировать – туда-сюда. Но далее следовало вовсе не «it», а «bastard», да ещё с «off». Выходило совсем не «его», а... В общем, по-нашему это звучало бы так: «Мы нокаутировали эту скотину!» Поскольку перевод – дело творческое, литературное, то подошло бы и более жесткое: «Мы сделали эту сволочь!» или «Мы вырубили этого ублюдка!» Это ж покуснее, а?..

Лечу в Луклу. Об этом полёте и вообще о переходе в базовый лагерь Эвереста, который в Непале называют ЕВС, расскажу позже, а сейчас продолжу про Эда. Тут такая любопытная штука. Вот оказались вы в Кумджунге – конечно, в то время, когда Эд был жив, – и хотите узнать, здесь ли он. Так спросите у любого непальца, и он определённо скажет «да» или «нет». Хорошо: он здесь. А как увидеться? Да очень просто: альпинист, начиная с 60-х годов прошлого века, много чего «на-творил» в селении: организовал строительство школьного комплекса, больницы и даже «выбил» электрическое освещение. Вот он и бродит среди «родных» построек или спускается в Номче-базар и возвращается обратно.

Я встретил Эда, длиннорукого и длинноногого, в характерной широкополой шляпе, тёмных очках, спортивной одежде, прямо на переходе из Номче в Кумджунг. Внешне он меня, конечно, не запомнил, но как только я произнёс фразу... Догадитесь, какую? Верно, «мы сделали эту сволочь!» Именно по ней он воспроизвёл в памяти нашу первую и короткую встречу. Вот что значит одна фраза, господ журналисты!

Мы шли по тропинке, останавливались, сидели, потом пили масала-чай в Кумджунге, и я расспрашивал. Догадываясь, что обычный рассказ про восхождение 50-летней давности, да ещё в «высоком жанре», надоел Эду до чёртиков. Так ли это?

– Конечно, так! Что вы хотите, об этом столько написано. Мне нечего добавить...

– Да, сэр, вы правы. Поэтому хотел бы предложить вам иную тему – «Двое». И начну с вопроса: а где *второй*?

– Это про Тена? Что ж вы не знаете: он умер семь лет назад...

Смущённый, я попытался нейтрализовать свой неловкий заход. Очень неудобно: мог бы повнимательнее всмотреться в плакаты, коих в Катманду к знаменитой дате напечатали много. Что ж, надо «выползть» из конфуза:

– Сэр, я выразился фигурально. Хотел узнать, какое место в сознании людей Тен занимает на этих торжествах.

– Он занимает подобающее, достойное место: индийцы, непальцы, да и весь мир, боготворят его.

– Тогда так: как вы чувствовали себя рядом с Теном в горах?..

Чтобы читателю стали понятны мои «подводки», напомним знающим и поведаю иным, кем были эти двое к моменту экспедиции Джона Ханта 1953 года.

Итак, 34-летний Эд. Потомок англичан, переселившийся в Новую Зеландию в XIX веке. Мать Эда – школьная учительница; отец – репортёр, редактор, мелкий бизнесмен-пчеловод. Эд – «книжный мальчик», проучившийся два года в Оклендском университете, на отделении естествознания и математики. А потом – штурман морского патрульного бомбардировщика «Каталина», участник боевых действий Второй мировой на Фиджи. Чуть не сгорел в повреждённом самолёте и получил контузию...

Рано увлёкся альпинизмом и тратил на него все свои и отцовские деньги. В экспедиции Ханта – восходитель-лидер, а в непальском социуме ещё и сагиб, или господин.

39-летний Тен. Шерпа, родившийся в районе непальского Кхумбу и всегда живущий в высоких горах – будь то Непал, Тибет, Индия или Пакистан. Перепробовал себя кем угодно, и всё исключительно из-за денег: подённый рабочий, торговец, в войну – повар на британской военной базе. Где учился Тен? Нигде не учился. Он не мог даже читать и писать. Тен хорошо владел языками народностей региона, но по-английски говорил с трудом...

Что касается альпинизма, то шерпа прошёл традиционный путь своих соплеменников: сначала носильщик, потом сирдар, или проводник, руководитель носильщиков. Здесь стоит сделать существенное добавление. Вы помните рассказ Мориса о случае, когда он предложил опытному сирдару идти вместе с собой на восхождение? И когда сирдар отказался, потому что шёл в горы не за славой, а за деньгами? Мотивом Тена, причём главным, тоже был заработок, но не только. С детства глядя на Эверест, он мечтал покорить его и прежде экспедиции Ханта подбирался к вершине несколько раз в составе других групп. Но мало сказать о мечте – Тен был амбициозен. Вместе с деньгами он хотел успеха, признания, славы...

Как уживаются вместе такие люди? Вот этой теме я и хотел посвятить нашу беседу. Поначалу Эд рассуждал о высоких, заслуживающих уважения, но довольно понятных вещах: мужестве, братстве, выдержке, совместной победе. Но постепенно разговор приобрёл более приземлённый и доверительный оттенок:

– Как вообще получилось, что вы оказались в одной связке?

– Х-м, вопрос в точку. Это получилось совершенно случайно. Больше всего мне нравилось ходить в одной связке с Джорджем – моим другом и партнёром из Новой Зеландии. Я до сих пор верю в то, что, если бы на финальном отрезке пути Джордж и я шли вместе, мы несомненно сделали бы вершину, потому что были очень хорошей двойкой. Но руководитель экспедиции решил, что, так как мы оба умели грамотно ходить по снегу и льду, будет продуктивнее нас разделить и присоединить к другим восходителям. Я поразмыслил и решил, что самым лучшим и быстрым альпинистом, не считая меня, был Тен. Помню, однажды на небольшой высоте мы с ним устроили настоящие соревнования на скорость. Я оказался быстрее, но поразился его отличной физической подготовке. Дух соперничества тоже много значил для Тена: он хотел лидировать, но при этом был надёжным партнёром по связке. К тому же, в отличие от нас, «гостей», чувствовал себя на Эвересте как дома. Впрочем, это и был его дом.

– Можно ли сказать, что в спортивном отношении вы были подготовлены одинаково?

– Ну-у-у... Я считался сильным альпинистом. И Тен сильным. Но я владел техникой скалолазания, а Тен не владел. Во время восхождения мы двигались преимущественно по снегу и льду, но попадались и сложные скальные участки, на них я всегда шёл первым.

Я оказался технически более грамотным. Зато он был прекрасным организатором. Великолепно ладил с шерпами-портерами и умел сглаживать острые конфликты. Команда шерпов у него работала как часы. Получалось, что мы дополняли друг друга.

– В палатке, во время длинных ожиданий погоды или просто утра, хочется поговорить. О чём вы говорили?

– Ну уж, конечно, не о вселенских проблемах. Как мы могли об этом говорить, когда он еле-еле изъяснялся по-английски, владея лишь определённым набором слов? Наверное, мне любопытно было бы погрузиться в его буддистский мир, но мешал опять же языковой барьер. То есть разго-

ворное общение ограничивалось сугубо практическими вопросами и было коротким. На маршруте и подавно: там всё состоит из лаконичных знаковых команд. А! Ещё мы говорили о еде!

– Насколько я знаю, на высотных восхождениях есть не очень хочется?

– Когда как. Да, чаще всего не хочется, но когда-то аппетит становится зверским. Но пить хочется всегда, и пить очень нужно, поскольку организм обезвоживается. В ночь перед восхождением на вершину мы напялили на себя всю одежду, залезли в спальные мешки и непрерывно топили воду. Мы выпили огромное количество жидкости, добавляя в неё сахара, мёда, размешивая с соком или заваривая чай. Мы могли выпить ещё больше, но сдерживало нежелание вылезать из мешка по нужде. Это одна из тем, которая навсегда останется «секретной». В общем, нужду мы справляли очень близко от мешка. Подробности оставим.

– Ладно, давайте о еде. Вы ели что-то перед восхождением?

– Не то слово – мы пировали! Пир состоял из галет и консервов. Каких? Любых, что были под рукой: от сардин до абрикосов. Ещё помню финики, очень вкусные. Но проблема заключалась в том, что они дубели на морозе, и мы их оттаивали, буквально обливаясь слюнями. Тен пытался греть суп, и мы употребляли то, что получалось в результате.

– А как обустроивались на бивуаке?

– Вот тут надо сказать о взаимоотношениях. Тен никогда не забывал, что он портер, сирдар, а я сагиб. Разумеется, я не поощрял такое: если вы будете в зоне смерти играть в чинопочитание, то погибнете оба. Тем не менее, несмотря на одинаковую усталость, он первым бросался ставить палатку, но ни за что не соглашался первым залезать в неё. Я уговаривал его прекратить эти счёты, но он стоял на своём.

Именно он готовил еду. На этот процесс изначально закладывался минимум усилий, но вы должны знать, что на восьми тысячах метров и больше не хочется делать *ничего*, и *любые* усилия даются с трудом. Сейчас, может быть, смешно говорить о том, что под усилиями подразумевалась раскупорка консервной банки, нарезка и очистка колбасы...

– Что собой представляла ваша последняя ночь перед восхождением?

Она представляла небольшие, ха-ха, проблемы. Первая из них заключалась в вопросе о том, *где* поставить палатку, а потом – *как* спать. Когда мы решили остановиться на ночлег в ночь перед штурмом, не нашлось ничего лучшего кроме снежного склона с уклоном градусов в тридцать. Мы два часа, отдыхая каждые десять минут, ковыряли и отбрасывали снег, пока не добрались до скального основания. Расчистили площадку размером примерно метр на метр восемьдесят, неровную, с уступами. Вы понимаете, наверное, что у меня рост под метр девяносто. Плюс одежда, мешок, ботинки... И вот Тен приглашает: залезай, располагайся. Ладно, залез, расположился как можно компактнее: полулёжа, полусидя, но всё равно занял большую часть пространства. Куда деваться Тену? Он «удобно» расстелил свой мешок так, что наполовину свисал вместе с краем палатки над крутым склоном. И вроде спал, а скорее пытался спать и просто закрывал глаза.

Вторая проблема – это кислород. В любом положении, сидя или лёжа, спать на высоте больше восьми тысяч метров без кислорода невозможно. Даже если задремлешь, проснёшься буквально через несколько минут от нарастающего холода и плохого самочувствия.

– Но у вас же имелся кислород.

– Да. Но всегда чего-то не учитываешь в расчётах. И настал момент, когда мы поняли, что кислорода не хватает. Я прикинул, что мы можем позволить себе подремать с кислородом четыре часа. Разбили эту дозу на две части: спим с одиннадцати до часа ночи, потом два часа пережидаем, потом ещё два часа для сна. Палатку разрывало от ветра; казалось, что она держится только на тяжести наших тел; термометр показывал минус 27, но к четырём утра стало потише. Где-то в шесть тридцать мы вылезли из палатки и начали восхождение.

– С кислородом?

– Конечно. Здесь опять мы выходим на занимающие вас человеческие отношения. Тен не знал никакой техники, кроме верёвки, крючьев, ледоруба. А кислородный аппарат – довольно серьёзная техника. И работу с ней – даром что сагиб – выполнял я. Это не просто помощь. Я должен был следить за Теном: вот он идёт вроде бы довольно бодро, а потом начинает останавливаться, тяжело дышать. Это почти всегда происходило из-за того, что кислородный аппарат забивался льдом. А он не понимал, как с этим справиться, и терпел. Я подходил, прочищал, и мы продолжали движение.

Мы не смогли бы зайти без кислорода. Наши кислородные аппараты весили 14 килограммов, на такой высоте это очень ощутимо. Но зато можно свободно дышать. Шли. Почти непрерывно рубили ступени в фирне, что отнимало много сил. Там ещё снежный карниз граничил со скалой, и мы боялись, как бы он не обвалился... Но мы же договорились, что не будем касаться известных технических и физических аспектов восхождения, верно?

– Верно. Но вот вы на вершине. Знаю, что вы радовались, обнимались. А было ли что-то особенное в действиях каждого?

– Тен просто вежливо ждал каких-то моих указаний. Я попросил его поднять флаги. Он прикрепил их к ледорубу и обмотал вокруг него ещё внизу, а теперь развернул над головой флаги Великобритании, Непала, Индии. Я фотографировал Тена и очень надеялся, что фотографии получатся хорошими: погода этому благоприятствовала, а фотоаппарат я грел на своём теле. Мне тоже хотелось бы сняться на вершине. Но я запоздало подумал, что Тен не сможет этого сделать, так как никогда раньше не пользовался фотоаппаратом. Эверест вряд ли был тем местом, где стоило проводить обучение. Поэтому я продолжил фотографировать сам – вершину, виды вокруг.

Затем я закопал в снег распятие, а Тен – дары своим буддистским богам: шоколадки, ещё что-то. В этот момент мы были единым целым: в связке; в деле, которое вместе совершили; в близости к жизни и одновременно к смерти.

Но вот какая вещь. Вы, разумеется, знаете, что самоощущение и поступки человека зависят от его окружения. На вершине никакого окружения не было, но внизу... Внизу началось то, что вы, как я догадываюсь, и намереваетесь раскопать.

– Сэр, я не собираюсь «копать», я пытаюсь выйти за границы частного случая. Кто был первым, а кто вторым – вечный и сложный вопрос. Бесконечное соревнование за выгодный для одних и неудобный для других ответ веками происходит и на спортивных площадках, и в жизни вообще. В поисках нужного ответа каждый ведёт себя по-разному. Как это происходило у вас?

– Сначала абсолютно спокойно. Я поднимался на вершину первым в связке, а Тен шёл за мной след в след, так как этот участок до последнего таил в себе опасность. Могло ли быть наоборот: что он первым, а я за ним? Могло! Поэтому мы решили: когда спустимся, будем говорить, что зашли вместе, одновременно. Так и поступили, а команда восходителей нас поддержала. Но не тут-то было.

«Тёрки» начались на обратном пути, когда мы дошли до селений. Вдруг подходит какая-то группа и, не обращая внимания на британцев, уводит Тена в сторону. Позже я узнал, что это были непальские коммунисты, а точнее – маоисты. Вы знаете, кто такие маоисты?..

Я знал, но не подал виду: было любопытно, что скажет по этому поводу Эд.

– Нет, не знаю, расскажите, пожалуйста.

– Вот уж кто действительно... – тут Эд употребил то самое слово *bastard*, обозначающее сволочей или ублюдков. Посмотрите на красные флаги в Катманду. Я знаю, что в вашем Советском Союзе на них изображались Маркс, Энгельс и Ленин. Здесь к этой «святой троице» прилепили также Мао Цзэ-дуна. Его последователи хотят отнять всё у богачей и разделить поровну между бедными людьми. Но где вы видели в Непале богачей? И в какой стране мира этот делёж увенчался успехом? Но люди, к сожалению, верят маоистам, и те набирают политический вес. Уже столько лет в Непале идёт гражданская война. Вы не ощутили это на себе? Нет? Это потому, что у них хватает ума не трогать иностранцев. А своих не щадят. Думаю, что через несколько лет маоисты скинут короля...

Ладно, не будем о политике и вернёмся к той встрече. После долгого разговора с маоистами Тен вернулся испуганный и смущённый: его принудили подписать некий документ, который шерп не мог прочесть, поскольку, как я уже упоминал, был неграмотным. В этой бумаге говорилось, что он, Тен... поднялся на вершину первым.

– Эта бумага доставила вам неприятности?

– Я не знаю, как это назвать. В Катманду вокруг данного псевдофакта к нашему возвращению раскрутили целую кампанию. Толпы непальцев скандировали: «Да здравствует великий Тен!» Британцев поразили плакаты в руках людей, где был изображён Тен на вершине Эвереста с флагом Непала и верёвкой, на которой болтался беспомощный Эд, то есть я. Тен не поддерживал этот ажиотаж и отвечал, что на вершину двойка ступила одновременно и что успешное восхождение есть результат работы всех участников экспедиции.

Однако это не производило эффекта. Более того: к немногим газетам маленького Непала активно подключились масс-медиа «большого брата» – Индии. Они писали, что, по утверждениям Тена, «он взойшёл на вершину первым и затащил туда партнёра». Вслед за индийскими газетами сенсационную новость принялись обсуждать по всему миру.

– Как реагировал на это Тен? А вы?

– Тен говорил, что никаких заявлений по поводу «первенства» не делал. Я отказывался от комментариев и никого не упрекал...

– Средствам массовой информации всегда нужна сенсация, ради этого они легко прибегают к искажению действительности. Что они ещё исказили?

– Понимаете, остальное, помимо этой детали, должно было скорее обрадовать. И Тена обрадовало, а меня удивило... Журналисты создали таких Эда и Тена, которых на самом деле не существовало. Из нас сделали героев, а то, что мы думали, делали, подтверждали или опровергали, не имело никакого значения. Общество любит героев – нате вам героев!

Я никогда не отрицал тот факт, что отлично прошёл маршрут до вершины Эвереста. И сам так искренне считал и гордился этим. Но не был и не хотел казаться сверхчеловеком.

– А Тен?

– Тен мечтал стать героем. Я не вижу в этом ничего зазорного. Надо знать шерпов, этот маленький и отважный народ. Они выполняют самую тяжёлую работу, рискуют жизнью, а при этом живут в невыносимых условиях и очень бедны. Конечно, Тен хотел вырваться из этой беспросветности, и его выдающийся поступок дал такую возможность. Принёс ли он пользу своему народу? Ну... в принципе, да.

Тен также мечтал заработать много денег. Он их получил.

– Но вы тоже получили славу и деньги?

– Разумеется. Я не хотел бы здесь считаться: ни в том, кто сколько получил, ни в том, кто сколько и куда потратил. Это совершенно другая история. Мы с Теном начинали жизнь с совсем разных стартовых позиций, и странно, если бы мы закончили её одинаково.

Для Тена получение денег стало счастьем. Он впервые в жизни перестал нуждаться. Но также перестал участвовать в экспедициях, хотя и выезжал в другие страны, даже в Европу. Тен построил дом в индийском Дарджилинге, где поселился с большой семьёй.

– ... Основал Гималайский институт альпинизма, написал книгу «Тигр снегов»...

– Ну да. На деньги правительства Индии занял почётный пост директора этого Института, чтобы, опять же, зарабатывать деньги, но в большей степени помогал это делать другим людям. А книгу? Как он, неграмотный, мог написать книгу? Он продиктовал книгу...

– Насколько я понимаю, вы полученные деньги не запускали в бизнес-операции, а тратили?

– Вот и вы, чувствую, хотите сделать из меня героя, теперь в образе благотворителя. Но всё не так. Я очень близко подружился с шерпами и знал про суровые условия их жизни. И когда мне сказали, что главное их желание – это школа, я решил, что вложу деньги в её строительство. Потом попросили больницу. Я просто по-человечески любил этих людей. И не мог отказать им в просьбе. Выполнил одну, затем последовали другие – как их проигнорировать?! Так и прослыл подвижником. Но это не подвижничество, это стало моей жизнью. Я учредил Фонд Himalayan Trust, который играет важную роль – может важнее, чем правительство страны, – в обустройстве долины Кхумбу.

Вы когда-нибудь слышали такие сочетания, как шерпа-доктор, шерпа-юрист, шерпа-пилот? Нет? Правильно, потому что их не существовало. А теперь они есть!

Я никогда не жалел шерпов и не пытался стать здесь миссионером, а тем более навязывать свои проекты. Это были вещи, о которых местные люди просили, и мы отвечали. Не требуя взамен ровным счётом ничего. Я не коммерсант.

– Знаю, что в вашей жизни нашлось место и другим «эверестам»...

– Конечно! Я не помышлял о том, чтобы бросить альпинизм и путешествия. Участвовал в новых экспедициях, и не только горных. Удалось побывать на Северном и Южном полюсах...

Поблагодарив сэра Эда за уделённое время и вернувшись в Номче-базар, я стал рыться в сумке, где лежала та самая «продиктованная книга» Тена «Тигр снегов». Её английское издание вышло всего через два года после восхождения двойки на Эверест, а годом спустя появился русский перевод.

Я взял книгу с собой в Непал и пробежал страницы глазами, но теперь, после беседы с Эдом, просто горел желанием прочесть внимательно, а главное – найти взгляд Тена на историю портера и сагиба. И нашёл.

«...Когда становилось трудно дышать, приходилось останавливаться и очищать ото льда патрубки кислородных аппаратов. В этой связи должен сказать по чести, что Эд не совсем справедлив, когда утверждает, будто я чаще сбивался с дыхания и без его помощи мог бы совсем задохнуться. Мне кажется, что наши затруднения были одинаковыми и, к счастью, не слишком большими. Каждый помогал другому и принимал от него такую же помощь...

И вот мы оказались перед последним серьёзным препятствием на пути к вершине: отвесной скальной стенкой, которая возвышается как раз на гребне, мешая дальнейшему продвижению. Теперь вставал вопрос: как перебраться через скалу или обойти её? Оказалось, что имеется только один возможный проход – крутая узкая расщелина между самой скалой и прилегающим карнизом. Эд пошёл первым; медленно и осторожно он выбрался на широкий уступ. При этом ему приходилось подниматься спиной вперёд, упираясь ногами в карниз, и я напрягал все силы, страхуя его, так как очень боялся, что карниз не выдержит. К счастью, всё обошлось. Эд благополучно выбрался на вершину скалы; затем поднялся и я с помощью верёвки, которую он держал.

Здесь я снова должен сказать по чести, что не считаю его рассказ, приведённый в книге “Восхождение на Эверест”, совершенно точным. Из истории Эда следует, будто по-настоящему лез, собственно, только он, а меня буквально втащил наверх, причём я свалился, “задыхаясь, обессиленный, подобно огромной рыбе, вытасченной из моря после ожесточённой борьбы”. С тех пор не раз приходилось глотать эту “рыбу”, и должен сказать, что мне это ничуть не нравится. Истина заключается в том, что никто не тащил и не волочил меня. Как и Эд, я лез по расщелине сам; а если он страховал меня в это время, так ведь и я сделал то же для него.

Говоря обо всём этом, я должен объяснить одну вещь. Эд мой друг. Он превосходный альпинист и прекрасный человек, и я горжусь тем, что взойшёл вместе с ним на вершину Эвереста. Однако мне кажется, что в своём рассказе о нашем завершающем восхождении Эд не совсем справедлив ко мне. Всё время он даёт понять, что когда дело шло хорошо, то исключительно благодаря ему, если же были затруднения, то только из-за меня. Между тем это просто неправда. Никогда я не стану утверждать, будто мог бы взять Эверест в одиночку. Мне думается, что и Эду не следовало намекать, будто он мог совершить штурм один, и я не дошёл бы до вершины без его помощи. Всю дорогу туда и обратно мы взаимно помогали друг другу – так оно и должно быть. Но мы не были ведомым и ведущим. Мы были равноправными партнёрами...

Я много думал о том, что собираюсь рассказать сейчас: как мы с Эдом достигли вершины Эвереста. Позднее, когда мы вернулись с горы, было много глупых разговоров о том, кто же ступил на вершину первым. Одни говорили – я, другие – Эд. Говорили, что дошёл только один из нас или даже никто. Говорили, что один из нас дотащил другого до вершины. Всё это чепуха. Чтобы прекратить эту болтовню, мы с Эдом подписали в Катманду заявление, в котором говорится, что мы “достигли вершины почти одновременно”. Мы надеялись, что наше заявление положит конец всем толкам. Но нет, на этом не кончилось. Люди продолжали допытываться и сочинять истории. Они указывали на слово “почти” и спрашивали: “Как это понимать?” Восходители сознают всю бессмысленность такого вопроса, им известно, что связка представляет собой одно целое, и всё тут. Но другие люди этого не понимают. Должен с сожалением признать, что в Индии и в Непале меня всячески побуждали заявить, будто я достиг вершины раньше Эда. По всему свету меня спрашивают: “Кто ступил на вершину первым? Кто был первым?”

Повторяю в очередной раз: это глупый вопрос, отвечать на него нет никакого смысла. И вместе с тем вопрос задают так часто, он вызвал столько кривотолков, пересудов и недоразумений, что я теперь, после долгих раздумий, считаю себя вынужденным дать ответ. Отвечаю не ради себя и не ради Эда, а ради Эвереста и ради будущих поколений. “Почему, – спросят они, – вокруг этого вопроса устроили тайну? Разве тут есть чего стыдиться? Есть что скрывать? Почему мы не должны знать истину?” Итак, пусть знают истину. Слишком велик Эверест, чтобы в отношении него можно было допустить неправду.

Немного не доходя вершины, мы с Эдом остановились. Мы глянули вверх, пошли дальше. Нас соединяла верёвка длиной около десяти метров, однако я держал большую часть её смотанной

в руке, так что нас разделяло не более двух метров. Я не думал о “первом” и “втором”. Я не говорил себе: “Там лежит золотое яблоко. Сейчас оттолкну Эда в сторону и схвачу яблоко первый”. Мы шли медленно, но верно. И вот мы достигли вершины. Эд ступил на неё первый, я за ним.

Итак, вот он, ответ на “великую загадку”. И если после всех разнотолков и споров ответ покажется мирным и простым, то могу только сказать, что иначе и быть не могло. Знаю, многие мои соотечественники будут разочарованы. Они ошибочно придавали большое значение тому, чтобы я был “первым”. Они относятся ко мне хорошо, даже замечательно, и я им многим обязан. Но ещё большим я обязан Эвересту и истине. Если это позор для меня, что я оказался на шаг позади Эда, – что ж, буду жить с этим позором. Однако сам я этого позором не считаю. И я не думаю, чтобы в конечном счёте на меня навлекло позор то обстоятельство, что я рассказываю всё, как было. Будущее требует только истины. Эверест требует только истины...

Мы поднялись. Мы ступили на вершину. Мечта стала явью. Первым делом мы сделали то, что делают все альпинисты, взойдя на вершину горы: пожали друг другу руку. Но разве можно было ограничиться этим на Эвересте! Я принялся размахивать руками, потом обхватил Эда, и мы стали колотить друг друга по спине, пока не задохнулись, несмотря на кислород. Потом мы стали смотреть кругом. Со всех сторон вокруг нас высились великие Гималаи, занимающие большую часть Непала и Тибета...

Эд достал фотоаппарат, спрятанный у него под одеждой для защиты от холода, а я развернул флаги, обмотанные вокруг ледоруба. Они были надеты на шнур, привязанный к концу ледоруба; я поднял его вверх, и Эд сфотографировал меня. Он заснял три кадра, и я считаю большой удачей, что один из кадров вышел так хорошо в таких трудных условиях. Флаги следовали сверху вниз в такой последовательности: Объединённых Наций, Великобритании, Непала и Индии. Те самые люди, которые старались извратить ход нашей экспедиции, пытались и этому придать какой-то политический смысл. Могу только сказать, что я совершенно не думал о политике. В противном случае я, вероятно, поместил бы индийский или непальский флаг выше, хотя и тут передо мной возникла бы нелёгкая проблема – кому отдать предпочтение. А так я рад тому, что выше всех был флаг ООН: ведь наша победа была не только нашей, не только победой наших наций, но победой всех людей.

Я предложил Эду сфотографировать его, однако он почему-то отрицательно мотнул головой – не захотел. Вместо этого он продолжал снимать сам всё, что простиралось вокруг, а я тем временем был занят важным делом. Я вытащил из кармана взятые с собой сладости и огрызок красно-синего карандаша, вырыл ямку в снегу и положил всё в неё. Увидев, что я делаю, Эд протянул маленькую тряпичную кошку, чёрную с белыми глазами – талисман, полученный им от Ханта; я положил кошечку туда же. В своём рассказе о восхождении Эд говорит, что получил от Ханта и оставил на вершине распятие; если это и было так, то я ничего не заметил. Я получил от него только тряпичную кошечку и положил в снег рядом с карандашом и сладостями. “Дома, – подумал я, – мы угощаем сладостями тех, кто нам близок и дорог. Эверест всегда был мне дорог, теперь он ещё и близок мне”. Прикрывая дары снегом, я произнёс про себя молитву и благодарность. Семь раз ходил я на гору своей мечты, и вот на седьмой раз, с божьей помощью, мечта стала явью...»

На следующий день я пошёл в сторону Тянгбоче. Прямо на тропе открывали стелу в честь 50-летия первого покорения Эвереста. Собралось много людей, и среди них я опять увидел Эда. Теперь он меня узнал и даже весело подмигнул. Обрадованный, я решил напоследок ещё что-нибудь вытянуть из него и, памятуя успешный опыт в Катманду, подступился к герою на необычной ноте:

– Сэр, прошу всего двадцать секунд вашего внимания! Мы столько говорили с вами о проблемах и трудностях. Расскажите на прощанье что-нибудь весёлое и связанное, конечно, с восхождением.

– Идёт! Я вижу, вы направляетесь в Тянгбоче. Вот про него и расскажу. Когда, возвращаясь с вершины, мы достигли монастыря, дальнейший путь вниз был понятен и несложен. Мы остановились на ночлег, раскладывали и сортировали продукты и снаряжение. К нам подошёл лама и спросил, видели ли мы богов на вершине Эвереста. Мы сказали, что не видели. Лама помрачнел и разочарованно произнёс: «Ну, значит вы там не были...»

Южная Аннапурна

Для француза Мориса Аннапурна стала первым покорённым восьмитысячником в мире. Для россиянина Володи – первым собственным восьмитысячником. Но к этому времени и Аннапурну, и даже Эверест покорили сотни и сотни восходителей со всего мира, в том числе из нашей страны. Володе – умелому и опытному восходителю – хотелось большего, и мы недопонимали в то время, насколько большее он для себя планировал.

О том, что в мае 93-го он взял Эверест, я узнал из новостей информационных агентств. Новости, понятное дело, давались краткие, а мне не терпелось узнать подробности. Контакты у нас, слава богу, всегда были хорошими, и через несколько дней после возвращения мастера спорта международного класса в Москву мы встретились.

Тут и вот какая подробность. Даже малограмотный шерпа Тен, как вы помните, подробно надиктовывал райтеру свои воспоминания о крутом клайминге, а Володя был, что называется, не по этому делу: ни писать, ни рассказывать подробно у него не получалось. Но кое-что я из него всё-таки выжал.

Весной 1993-го они с ребятами прилетели в Непал, чтобы попробовать взойти на Эверест. Именно попробовать. Потому что даже минимальным сходством с многолюдными экспедициями Мориса, Ханта и других здесь не пахло. Никаких тонн грузов, никаких сотен носильщиков! Еле-еле наскребли денег на *пермит*. Это такой выдаваемый непальскими властями документ-пропуск, который даёт *право* на восхождение. То есть вы платили в 93-м, применительно к Эвересту, десять тысяч баксов и получали *право*. Забегая вперёд, скажу, что годом позже стоимость *права* для группы восходителей поднялась до пятидесяти тысяч зелёных. Давало ли виртуальное право на восхождение реальную возможность пользоваться носильщиками; включало ли в себя расходы на еду, снаряжение? Не-е-т, за эти «капризы» следовало платить дополнительно.

Так называемый классический маршрут через Южное седло, по которому поднималась экспедиция Ханта с Эдом и Теном в 53-м, теперь, сорок лет спустя, казался Володе с командой не слишком престижным. И они заявили на маршрут по Западному гребню с перевала Лхо Ла. Амбициозный, конечно, маршрут, если не учитывать того, что он слыл одним из лидеров по числу неудачных восхождений. Поэтому Западный гребень и проходилась обычно группой, где работало не менее двадцати альпинистов и несколько десятков высотных носильщиков. Для лучшего понимания приведу ещё одну впечатляющую цифру: там только страховочных верёвок провешивалось до десяти километров!

Володиных со товарищи денег хватало лишь на то, чтобы довести караван нанятых носильщиков – а совсем обойтись без них было просто невозможно – до базового лагеря Эвереста (ЕВС) на высоте 5300 метров. Здесь с группой оставались офицер связи, сирдар и два повара из местных. Известно, что до ЕВС можно дойти буквально пешком, но потом начинается тяжёлая альпинистская работа. Ребята начали её проделывать и достигли шеститысячного перевала Лхо Ла. На подходе к нему одного из участников группы по спине ударил камень, альпинист временно выключился, а потом передвигался с трудом. Но и без этого стало ясно, что таким скромным составом Западный гребень не потянуть. А чтобы заявиться на другой, более простой маршрут, если слово «простой» вообще применимо к Эвересту, требовалось ещё десять тысяч долларов.

Володя понял, что дело, к сожалению, бесперспективное: всякая надежда на успех исчезла...

И тут!

Понимаю, что уже не в первый раз употребляю это словосочетание – «и тут». Но коли жизнь такая! Мы думаем одно, а тут... Мы надеемся на другое, но тут... «Тут» бывает хорошим и плохим, но всегда обозначает неожиданность. В нашем случае неожиданность оказалась настолько непредсказуемой, что русские клаймеры не спрогнозировали бы её ни с сотого, ни с тысячного раза.

Произошло следующее. Незадолго до приезда наших ребят организовывалось восхождение на Эверест первой непальской женщины – Пасанг. Вспомнили? Во-о-от! 33-летняя альпинистка поднялась на вершину, но спуститься вниз уже не смогла и умерла вместе с одним из шерпов на Южной

вершине, на высоте 8700 метров. Само собой, Пасанг стала национальной героиней, шум и восторг вместе с сожалением о гибели необыкновенной женщины раскатились по всему Непалу. Кроме того, она была буддисткой, и тело по традиции требовалось сжечь. Но для этого нужно всего-навсего спустить его с горы. Эту задачу, требующую колоссальных усилий, не взялись выполнять даже опытные шерпы. Не хотелось бы пугать читателей, но на Эвересте за те четыре десятилетия восхождений накопилось немало неубранных тел погибших альпинистов.

В общем, желающих поучаствовать в транспортировке Пасанг – речь шла не о спуске в целом, а о работах на сложных высотных участках – не находилось. И не будь она национальной героиней, осталась бы на вершине навечно.

Но вспомнили про русских мужиков, которые, как в анекдоте, «с помощью кувалды и какой-то матери...» решают сложные технические вопросы. И предложили им сделку: вы с помощью шерпов спускаете тело до Южного седла (8000 м), а мы даём вам возможность «на халяву» зайти на Эверест по классическому маршруту, через Южный гребень. Стороны ударили по рукам, и наши хлопцы спустили тело до оговоренного места, после чего в мероприятие включилось достаточное количество непальцев. Как русская команда спускала Пасанг, находясь в «зоне смерти», нигде не описано и, наверное, теперь не будет. Известная московская газета вышла тогда с заголовком: «Русские взойшли на Эверест... За телом». Непальские медиа предпочли об этом эпизоде промолчать.

А Володя делился случившейся историей скупой, инцидент с непальской альпинисткой занимал его лишь постольку, поскольку удалось получить разрешение на клайминг гиганта. Всё больше юморил: взяли Эверест «на халяву» и «заодно». Потому что, когда оказались на месте гибели Пасанг, то увидели: до вершины мира «рукой подать».

Не отличался красочностью и последующий рассказ:

– ...Когда мы достигли тела Пасанг, до вершины оставалось всего 148 метров. Но слово «всего» применительно к Эвересту хорошо произносить дома за пивом. Лишь один из нас, Алексей, сумел «сбегать» на вершину, а потом подключился к транспортировке тела вниз. Остальные участники группы стали готовиться к восхождению только тогда, когда на Южном седле мы погибшую альпинистку «сдали».

11 мая в палатке на 8000 метров сидели я, Петя из Петербурга и Николай. Разыгрался сильный ветер, его скорость достигала ста километров в час, о выходе вверх не могло быть и речи, а силы иссякали: там средний срок просто выживания – три дня. Я говорю Николаю:

– Коля, надо вниз, мы тут слабеем.

А он:

– Ты знаешь, с учётом моего 54-летнего возраста, это последняя возможность. Если я уйду вниз, сил на вторую попытку у меня не хватит...

Коля наверняка допускал, что эта последняя попытка окажется неудачной – так и произошло. Но он вряд ли предполагал, что добьёт вершину, завоюет её не в «закатные» пятьдесят четыре года, а в семьдесят...

– Он был по-своему прав, – продолжал Володя, – а я вспомнил свою жену Наташу, пятилетних мальчишек-двойняшек – они ведь ждут – и решил всё-таки двигать вниз. Когда мы прощались, Николай попросил, чтобы мы в случае чего не тратили силы на его поиски. Кто знает, тот понимает. И я без слюней ответил:

– Да, Коля, у нас не будет вариантов тебя искать.

Через несколько дней ветер стих, и я начал готовиться к восхождению. 16 мая встаю в два ночи, надеваю кислородный аппарат, а он не работает. Пытаюсь «продуть» прибор, но резиновая груша с сильнейшим треском лопаётся. Ну и плевать! Думаю: буду идти до двенадцати дня. Сколько смогу, столько и пройду, хоть сто метров.

Много идёт разговоров о восхождениях без кислорода. Вроде как это свидетельствует о серьёзной физической подготовке и силе воли. Это верно, но проблема заключается не только в том, что можно упасть без сил. Есть опасность превратиться в *mental vegetable* – умственный овощ – из-за необратимых изменений в мозгу. Совсем «дурачков» среди вернувшихся с Эвереста я не видел, но как «едет крыша», наблюдал, да и у самого «ехала». То есть моё восхождение без кислорода следует признать вынужденным, и слава богу, что оно удалось.

Я брёл один и никого не видел. Чувствовал себя совершенно истощённым, хотелось лечь. Но вспоминал о детях и продолжал двигаться: десять шагов за Серёжу, десять – за Андриюшу... К одиннадцати дня поднялся на вершину. Когда к пяти вечера спустился к первой палатке, минут пятнадцать сидел неподвижно, потом снял кошки, бухнулся на пол и отключился. В этот раз на Эверест поднялись ещё двое наших...

Вот такая передо мной развернулась история. После которой внутри шевелилось чувство, противоположное зависти. «Хорошо, что тебя там не было», – шептал внутренний голос.

Но такая уж людская сущность. Сегодня человек твёрдо подвёл черту под предыдущей жизнью и «железно» заявил, что бросает пить, или курить, или употреблять вредные продукты. Но, глядишь, прошёл день, или неделя, или месяц, и он берётся за старое. То же самое с альпинизмом: слезая обессиленным с очередной серьёзной вершины, думаешь, что этот раз – последний. Но придёшь немного в себя, и тянет в горы опять.

Это я к тому, что Володя в ответ на традиционный вопрос о планах на будущее сообщил, что собирается на восхождение в следующем году. На Южную Аннапурну. И... пригласил меня с собой. Он, конечно, сделал своё предложение не из-за моих «доблестей», а, опять же, по причине безденежья, поскольку группе из семи человек полагались льготы при перелётах и проживании, да и каждые рабочие руки и ходовые ноги рассматривались как ценность. А собственно восхождение – следующий вопрос.

Пришлось вести дискуссию с собственным внутренним голосом:

– Ты вроде радовался, что не оказался в экспедиции на Эверест.

– Да, радовался.

– Так теперь будет то же самое. Почти. На 1600 метров ниже Эвереста.

– Вот! Зато Аннапурна Южная, а значит, там потеплее...

Я убедил внутренний голос в правильности решения и стал уточнять детали у Володи:

– А когда пойдём?

– Зимой.

– Зимо-о-ой?

– Да.

– Почему?!

– Потому что зимой туда ещё никто не ходил.

Вот тебе и потеплее...

Как прилетели в Катманду, как нас встретили, что из еды пробовали, а из достопримечательностей посещали – я уже излагал, повторяться не буду. Тем более что Володя, испытавший всё это многократно, откровенно зевал: «Кабы не дела – из номера б не выходил. Пивка, что ли, попьём? Скорее бы на волю...»

Цена за пермит оказалась «смешной» – каких-то две тысячи долларов. Ладно, скинулись, но тут вылезло непредвиденное: плюс тысяча двести за услуги офицера связи. Какие услуги и с кем связываться? Дык с местным населением... А чего с ним связываться, оно что, против заработка? На наши вопросы «представители» только пожимали плечами, и мы, наконец, поняли давно очевидное: чиновники тоже хотят хорошо кушать. Сошлись на тысяче. И без офицера.

Катманду – Покхара – Феда – на этом автомобильном маршруте всё происходило как в прошлый раз, когда шли на главную Аннапурну. Два дня с нанятыми носильщиками передвигались пешком до Чомронга. Дальше портеров отпустили, и началась другая песня.

На предстартовый ужин в Чомронге хотели заказать мяса, но здесь его уже не предлагалось. Поев пиццы, спагетти и разной каши, говорим хозяйке лоджи – симпатичной и на редкость толковой в отличие от многих окружающих её мужчин непалки: «Слушай, дарлинг, отвари-ка нам картошечки, а сальца мы своего порежем». С пивом «Туборг» и «Кукри-ромом» хорошо пошло.

27 ноября, взяв часть продуктов и снаряжения, приступаем к разведке маршрута, целый день плу-таем в бамбуке, но, набрав больше километра высоты, вроде попадаем на «правильный» гребень. К вечеру на нас садятся облака, всякая видимость пропадает. Сыро, холодно. В Катманду мы ходили в футболках, а здесь на термометре ноль – минус два. Идёт обильный снег. Ставим первый лагерь на 3300.

В последующие четыре дня погода остаётся без изменений. Курсируем из лагеря-1 в Чомронг и обратно, переносим грузы. Начинаем путь в дожде, залезаем в облака, и вот уже вокруг только белые хлопья и туман, маршрут не просматривается абсолютно. Ищем остатки пастушьих кошей, обламываем с них сырые деревяшки, жжём костерок. Уфимец Алик рыскает в окрестностях и приносит сделанную из волокон бамбука рогожку, и мы сооружаем из неё подобие крыши над костром. Здесь и кучкуемся, постоянно отворачиваясь и кашляя от едкого дыма. Едим-пьём суп, чай и в семь часов укладываемся спать, поскольку делать совсем нечего. Скучно.

А Володя настроен по-прежнему оптимистично: «Ну и что! Я раз из-за плохой погоды на 6400 две недели в палатке пролежал. Зато знаешь, какая акклиматизация!»

Первого декабря небо наконец прояснилось. Передовая тройка движется наверх и к обеду присылает гонца с наказом: «челночить» на 3800. Меняем кроссовки на «кофлахи» – двойные пластмассовые альпинистские ботинки австрийской фирмы «Koflach», нагружаемся и выходим. К вечеру возвращаемся в первый лагерь. Сколько ещё таких «челноков» придётся сделать! Во времена «проклятого застоя» было по-другому: денежки казённые, а соответственно, и снаряжение, и носильщики – не дешёвые трекинговые, в шортах и шлёпанцах, а настоящие высотные, которые куда дороже, – оплачивались за счёт государства. Правда, тогда приходилось сильно прогибаться, чтобы попасть в гималайскую экспедицию. Сейчас никто не держит – ступай в любую сторону. Кабы и денег в придачу...

Утром 2 декабря светит яркое солнце, открывается великолепная панорама, на градуснике минус семь. «Значит, во втором лагере минус десять», – резюмирует Володя. Стало быть, каждые сто метров температура понижается на полградуса? Делаю несложные вычисления и получаю результат: на вершине ожидается не меньше минус тридцати.

К обеду перебираемся в лагерь-2, откуда на следующий день начинаем путь к третьему. Орудуя телескопическими палками, траверсируем травяные, с толстым слоем снега склоны. Попадают и полностью заснеженные, крайне неприятные участки; бывает, что на таких вот спокойных с виду кусках маршрута раздаётся характерный хлопок, и на тебя сползает лавина – добро, что пока маленькая. Вверх – вниз, вверх – вниз, дорога хуже некуда.

Опять всё заволочло облаками, и началась метель. Выбираемся на перемышку, с которой в хорошую погоду просматривается заветный контрфорс – ребро на горной стене – и разбиваем палатку: есть третий лагерь...

Дорогой читатель, у тебя, наверное, появилось ощущение, что мы вот так, лагерь за лагерь, и подступаем к вершине. Если бы! Из третьего лагеря надо опять возвращаться во второй и в первый. Потом обратно. А как иначе? Экспедиционные грузы за один раз не перенесёшь. Вот и шагаю снова во второй лагерь со старшими товарищами. Я их уже упоминал раньше по именам, а сейчас, чтобы не путаться, наделю прозвищами. Одного, к моменту восхождения главного тренера сборной команды России по альпинизму, так и назову – Главный. Сборная без финансирования оставалась таковой только на бумаге. Но должность главного тренера сохранялась.

Другого, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера ещё СССР, буду звать Заслуженный. Заслуги, как и сборная, давно не оплачивались, поэтому ЗМС в свободное от восхождений время подрабатывал печником и плотником, что его нисколько не угнетало.

Предвкушаем, как во втором лагере нас ждёт Наташа, жена Володи, единственная женщина в нашей команде, с каким-никаким ужином. Сползаем по обледенелым камням, путаемся в кустах, залезаем в крутой мокрый каньон. Главный достаёт альтиметр и сообщает, что мы потеряли 500 метров высоты, то есть попросту заблудились. Досадно! Времени три часа дня, а в полшестого уже темнеет. Еле волооча ноги, лезем куда-то вверх; вероятно, до темноты не вернёмся, что в общем-то чревато. Настроившись на худший вариант, вдруг видим еле заметные следы нашего утреннего прохождения. Слава тебе... В пятом часу жадно припадаем к согретому Наташей чаю. Спать ложимся вчетвером в одной палатке, вторая – с продуктами и снаряжением. Мужики вспоминают:

– Холод, конечно, вещь неприятная. У меня после пика Коммунизма все ногти на ногах слезли...

– Но можно бороться! На пике Победы, помню, метель, мороз под сорок, а мы вырыли снежную пещеру и кайф в ней ловим: всего минус двадцать...

Наташа, несмотря на холод, – хотя, по сравнению с только что рассказанными случаями, у нас

вообще «ташкент» – приоткрывает полог палатки, чтобы видеть далеко внизу неяркие огни Чомронга, а прямо перед нами – величественную громаду священной вершины Мачипучри...

Первое, что мы увидели утром – это распахнутую вторую палатку, которая была закрыта липучками и завязана тесёмками. Что это? Вернулись наши сверху? О, наверное, так, вон книга английского альпиниста Криса Боннингтона «Южная стена Аннапурны». Её как раз читал Володя в отдыхательное время. Но почему книга брошена на снег? И где сам Владимир? Мы заглянули внутрь палатки и увидели там страшный кавардак. Все вещи перевернуты и, как бы поточнее описать, взъерошены. Грабители? Но вещи-то целы! А что с продуктами? Боже мой! Испарились...

Наконец, мы обратили внимание на множество звериных следов на снегу. Опытный зоолог или охотник наверняка определил бы их принадлежность. Но и для нас очевидным представлялось следующее: сюда приходили какие-то средней величины звери, скорее всего волки или шакалы, коих в Гималаях обитает достаточно. Касательно формы следов скажу, что они выглядели как собачьи – не огромные, но и не маленькие. Палатку грабила стая. Один-два зверя вряд ли смогли бы сколько-то съесть, а большей частью унести *все наши продукты*, причём на большое расстояние. Когда мы пошли по следам, то, пройдя несколько сот метров и не найдя ничего, кроме кусочков печенья и кожуры от сала, плюнули на дальнейшие поиски.

Читатель наверняка спросит: а как же знаменитые жестяные банки с тушёной и сгущённой? Неужели волки их разжевали? Дорогие мои! Существенно экономя на весе, мы *ничего* не брали в банках. Обычные баночные продукты присутствовали у нас в виде упакованных в пакеты и мешочки сублематов: вяленое мясо, сухое молоко, яичный порошок, сухофрукты и так далее.

Впрочем, один продукт оказался нетронутым: на снегу валялись три надкушенных пачки чая. Видно, зверькам они пришлись не по вкусу. Так что меню нашего романтического завтрака на заснеженной гималайской траве выдалось исключительно чайным. Но, попив чайку, мы стали прикидывать поконкретнее, сколько и каких продуктов унесли предполагаемые волки. И тут вспомнилось, что две жестяные банки со сгущённой в наших запасах всё-таки были. Наташа также положила – чтобы съесть, пока подъём несложный – стеклянную банку джема. Их что, тоже волки унесли? Давайте-ка посмотрим на следы повнимательнее: может, это люди? Мы действительно увидели дополнительные отпечатки то ли ног, то ли лап: длинные, овальные, раза в полтора-два больше человеческих. Кто это? Х-м... За недосугом вопрос остался открытым.

Что из случившегося казуса вытекало? «Теперь умрём голодной смертью», – грустно сказал кто-то из ребят. Разумеется, это звучало шуткой. А в нешуточном раскладе предстояло несколько дополнительных «челноков» в Чомронг, за провиантом. Потеряв на этом два лишних дня, сосредоточились в третьем лагере на 3800, где попрощались с Наташей.

– Если не вернёмся 20 декабря, – говорит ей Володя, – уходи в Покхару, связывайся с Катманду и проси переоформить вылет в Москву на неделю. Если не появимся в Покхаре 23-го, вызывай поисковый вертолёт...

Он действительно проговаривал с русскими вертолётчиками в Катманду аварийные варианты и даже оставил «на всякий пожарный» тысячу баксов. Вертолётчики обещали помочь. В назначенный день команда в Чомронг не вернулась...

Однако всё по порядку. На штурм горы вышли «великолепной шестёркой». Взяли с собой две палатки, а третью оставили, тщательно зашнуровав и сложив туда коврики, кроссовки и ещё кое-что из снаряжения. Проиgnорировав поговорку «Подальше положишь – поближе возьмёшь», поступили весьма опрометчиво: палатку вместе со всем содержимым украли непальцы. Вроде бы высоко, откуда люди, да? Но это для вас высоко, а для жителей горной страны обыкновенно. Та же участь постигла Наташину пуховку, лежавшую пониже, во вроде бы запертой камерке в Чомронге.

Здесь нужно сделать очередное лирическое отступление. Речь пойдёт о загадочном непальском характере. Люди в королевстве проживают миролюбивые, и мне не приходилось слышать рассказов о том, как на кого-то из приезжих напали, кого-то избили и тому подобное. А вот украсть что-нибудь – совсем другое дело! Случаи воровства имеют в стране прямо-таки массовый характер: стоит зазеваться – и ваших вещей или денег как не бывало. В городских гостиницах есть хотя бы металлические шкафы в номерах, а в горах... Да, документы и деньги мы всегда носили с собой, но весь-то груз не потащишь...

На 4100 тоже сделали «заначку»: теперь уже не просто положили, а спрятали под камнями телескопические палки и взялись за ледорубы – в перспективе ожидалось главным образом снег и лёд.

Лагерь на 4900 стал последним местом, куда груз заносили в два захода. Дальше решили всё и всегда нести на себе, а посему в который раз занялись перетряской рюкзаков. Кроме необходимого группового снаряжения положили много супов – они готовились быстро, а съедались с аппетитом. Запаковали чай, кофе, сахар, печенье, урюк, немного сухарей. Главный оказался поклонником сбора из якобы целебных трав. Ладно, весят немного, берём. А Заслуженный усиленно впаривал мюсли и поридж – так мы привыкли называть кашу. Но поскольку эти штуки елись без энтузиазма, то и штурмовой объём их существенно ограничили. Так же поступили с колбасой и салом, совокупный вес которых был ощутимым.

Относительно тёплых вещей каждый решал сам; и здесь, надо сказать, принцип уменьшения веса любой ценой в расчёт не принимался. Заведомо перезакладываясь, взяли все запасы газа и бензина. А как иначе? Что делать, если на два, три дня, на неделю запуржит метель? Спасение только в согревающем журчании примуса.

Вообще я уже не впервые рассказываю понемногу о своеобразных процедурах обустройства на стоянку и ночлег. Ну, вспомните, например, как это было у Мориса и Луи, у Эда и Тена. Эдакие суровые и одновременно простые операции на выживание. Но неисчерпаемая тема этих обустройств заключается в том, каким образом человек, удивительное существо, стремится и достигает комфорта на минимальной площади в жёстких, а когда и в жестоких условиях. Вот как это происходило при восхождении на Южную Аннапурну.

Максимально быстро устанавливали палатку. Первоначально казалось, что все мы в принципе туда не войдём, однако как-то быстренько расползались по условным углам, оставляя в середине место для примуса – он раскопегаривался газовой горелкой. На примусе топили снег, затем в скороварке кипятили чай, потом варили суп, потом опять чай; а внутри палатки меж тем понемногу теплело. Параллельно на газовой горелке пытались сушить ботинки-вкладыши, носки, рукавицы. Досушивали их уже ночью, внутри спального мешка.

Около шести, перед рассветом, начинали шевелиться: скидывали спальники, раздвигались, запаливали примус. Кружками сгребали с внутренней стороны палатки накопившийся за ночь иней – его набиралось не меньше кастрюли. Часть инея попадала на спальники, так что они всегда оставались немного влажными. Пока готовилась еда, натягивали в тесноте одежду, упаковывали снаряжение; на сборы уходило около двух часов. Так формировался высотный палаточный режим.

А теперь коснёмся вопроса посложнее, чем обустройство. Как альпинисты ориентируются на маршруте? Вновь вспоминая вариант Мориса 1950 года или Эда и Тена 53-го, ответим: как бог даст. Ищут. Пробуют. Ошибаются. Находят или возвращаются ни с чем. В случае с Володиным восхождением на Эверест в 93-м ситуация сложилась иная: смертельно трудно, но понятно, куда идти, маршрут пробит в реальности и прочерчен на бумаге. Так вот: мы-то были практически первопроходцами. Да, на Южную Аннапурну ходили раньше, но, во-первых, это происходило в тёплые сезоны; во-вторых, формализованных описаний этих экспедиций обнаружить не удалось. Разве что...

Жила-была в Катманду старушка по имени Элизабет Хоули – американская журналистка и писательница, в прямом смысле слова подвижница. Впервые оказавшись в Непале в 1960-м, в возрасте 37 лет, она решила остаться в стране навсегда. И с каждым годом становилась всё более знаменитой среди альпинистской братии, хотя не совершила ни одного восхождения на вершины. Популярность связана с другим фактором: Хоули – самый известный хроникёр гималайских экспедиций, в её базе данных их описано около четырёх тысяч. Элизабет занималась этой деятельностью до 93-летнего возраста, а умерла в 95. И когда у восходителя не хватало информации о выбранной вершине, он шёл за консультацией к старушке. Не стали исключением и мы, начав путешествие с посещения офиса Элизабет Хоули в Катманду.

Бодрая бабушка познакомила нас с отчётом американской экспедиции на Южную Аннапурну 1988 года, закончившей свой путь на высоте 6100. В отчёте говорилось, что последней достигнутой точке предшествовал длинный ледовый кулуар. Его-то и стремился найти Володя. Обладая колоссальной интуицией, он с высоты 5200 чудесным образом разглядел «американскую дорогу»: «Смотрите: где вверху скалы расходятся, туда и нужно перемещаться». И двинулся первым, с двумя ледо-

рубами и нижней страховкой, сбивая руки об лёд. Началась ледовая работа, сложная и кропотливая, забиравшая массу энергии.

Преодолевая острый как нож гребень – в американском описании он так и фигурировал: sharp as a knife, вышли к довольно приятной на вид ледовой пещере на 5600, величиной с большую комнату в городской квартире. Попытались приготовить чай, но не получилось: снизу кипело, а доверху пузырьки не доходили; при морозе за минус двадцать примусного тепла уже не хватало. Тогда прямо в пещере поставили палатку и организовали готовку внутри – получалось лучше. Жаль, но ночевать в палатке не пришлось: обрабатывающий маршрут Володя просигналил, чтобы поднимались к нему. Собрали наш походный домик, прихватили горячий суп в скороварке и полезли наверх.

Когда достигли высоты 6100, ресурсы светового дня оказались исчерпанными, и пришлось устраиваться на ночлег прямо на этом самом sharp as a knife. Вы ещё не забыли «6100» в начале книги, где я чего-то там мечтал-вспоминал? А-а-а. Это как раз здесь. Полтора часа рубим лёд, сбрасывая в пропасть сотни килограммов прозрачных твёрдых осколков. Делаем миниатюрную и неровную площадку, на которой укрепляем палатку, пропустив верёвку через вентиляционные рукава и пристёгивая её к крючьям-ледобурам. Оставшаяся недалеко внизу пещера вспоминается так, как в зимней Москве грезится летний крымский пляж. Полулежачую бессонную ночь кто-то образно окрестил «варфоломеевской».

Утром мы поняли, что пришли на место, дальше которого американцы не продвинулись. До сих пор были целы их вмороженные в лёд верёвки с карабинами. По-человечески вполне понятно, что заставило без сомнения крепких людей повернуть назад в километре от заветной вершины: мороз, сложный рельеф... Вдобавок к техническим трудностям накатили высотные: сознание начинало существовать какой-то параллельной жизнью, становилось вялым и невосприимчивым. В разные моменты то один, то другой участник восхождения «тормозил», и тогда товарищ кричал ему: «Открой глаза! Посмотри на меня! Проснись!»

16 декабря, в предштурмовую ночь, палатку поставили на 6600, под красивым сераком – огромной ледовой пирамидой, открывающей скально-ледовый взлёт к Южной Аннапурне. Серак состоял из двух параллельных граней с просветом, через которые виднелась вершина. Площадка выглядела лучше предыдущей, к тому же Бог послал приличную погоду: хотя мороз приближался к тридцати, ветер не зверствовал, и, прижавшись в спальниках друг к другу, мы немного поспали настоящим сном. 17-го проснулись затемно и с первыми лучами солнца вышли на штурм. Ничего, кроме чая, не варили. Прихватили понемногу в карманы урюка и печенья.

Путь к вершинному куполу выглядел удобным. Сыпало небольшими камушками, ледяной крошкой, но каски от них вполне защищали. На предвершинном взлёте пришлось посложнее: достали верёвки и винтили крючья. Неожиданно оказались перед нависающим карнизом, на который с ходу не вылезти. Но Володя, пройдя немного по склону, снова нашёл приемлемый путь и выбрался на вершину; за ним остальные. 7219 метров. Первое зимнее восхождение на Южную Аннапурну. Нехоженым доселе маршрутом. Часы показывали одиннадцать утра.

Солнце и хорошая погода дополняли ощущение победы. Нелегко давшегося счастья. Мужского счастья: все мы играли в суровую игру, где ставка поистине равна жизни, а порой и превосходит её. И грусти: была мечта, а теперь её уже нет, сбылась. Теперь нужна новая мечта. И – ощущения опасности: многие жестоко заплатились за вершинную эйфорию и халатность на спуске; пополнять их число не хотелось.

На ночёвке 6100 «полулёжа» опять почти не спали. Заслуженный устроился на рюкзаках, пристраховавшись к верёвке. Задремав, стал всё больше продавливать бок палатки. Когда совсем сполз в пропасть, Главный схватил его и начал втягивать назад. Заслуженный открыл глаза и увидел перед собой эмблему Российского корпуса спасателей на куртке Главного: «Ну вот, и спасатели пожаловали...»

Времени на снятие верёвочных перил, которые раньше берегли и забирали с собой, больше не тратили – презентовали их на память горе. Иногда видели следы, оставленные при подъёме. Они стали уже не углублениями, а, напротив, выпуклыми поверхностями, на которые очень удобно наступать. Тем не менее сбились с маршрута и долго искали место, где оставалась одна из промежуточных палаток с небольшим запасом продуктов. Но палатки не было! Где она? Сно-

ва украли? Высоковато вообще-то... На всякий случай копнули кошками снег и обнаружили два лоскута с тесьмой на колышках: палатку сорвало и унесло ветром. Эти лоскутки ребята взяли на сувениры.

А мешочки с продуктами? Тоже ветром унесло? Вряд ли. Но сколько ни копали, обнаружить их не удалось. А вот следы... Пусть и заметённые, но явно больше наших и похожи на те, что мы видели две недели назад... Загадка? Да. Мы пока не знали, что через много лет она будет разгадана.

Ещё раз заблудились 20 декабря, спустившись ниже пяти тысяч метров. Поиски маршрута осложнялись плохой видимостью. Выбившись из сил, остановились и решили выждать. Сняли рюкзаки, сели, прикорнули, не обращая внимания на густо падающий снег. В конце концов всё-таки поставили палатку, грели чай, но в спальные мешки не залезали. Дремотно-тёплое состояние прервал примус: помигав на прощание, он потух. Эх, надо же, в лагере на 6100 слили для облегчения целых пять литров бензина! Вскоре кончился и последний газ: горелка «уснула». Холод набирал обороты и становился нестерпимым, хотелось нырнуть в мешки, но Володя высказался против ночёвки:

– Еды и топлива больше нет. Нужно идти. Стартуем, как только луна осветит наш кулуар. Думаю, что это случится часа в четыре утра...

Что ж дальше? Случилось последнее приключение: Заслуженный потерял кошку. Главный – фантастика – нашёл её! Заслуженный обнимал, благодарил...

А Наташа ждала до последнего. Что творилось в душе – к чему описывать: любая женщина и без того поймёт. Поймёт и состояние, испытанное при виде худого, кашляющего, обветренного, но при этом не ползущего, а бегущего Володю. Возможно, читатель увидит странность во фразе «увидела бегущего». Как это? Она что, на крыльце всё время стояла? Но для гор такое нормально: это в городских условиях дома загораживают панораму, а в горах со многих точек видно очень далеко. И заметив человека на каком-то склоне, ты можешь наблюдать его появление-исчезновение на пути к стоянке много часов. Нормально и то, что бегом. Сбегание вниз по неопасному склону, по осыпи или снегу считается у альпинистов обычным делом.

В Чомронге опять пили пиво и ели обычную картошку – соскучились! Подошли англичане и новозеландцы; испросив позволения, щёлкали фотоаппаратами, снимая русских героев. А Володя задумывался и рассуждал – может, для себя, может, для всех:

– Альпинизм – это не спорт. Это особая модель жизни, особая философия существования. Вечное стремление взять новую вершину. С неё всегда видны неизвестные ранее горизонты. Выходит, пока не конец?

Попрощавшись с «домашним» Чомронгом, вышли к селению, откуда ходит автобус в Покхару. Повезло: он стоял и будто дожидался нас. Погрузили рюкзаки и сами залезли на крышу, на багажник, поехали с ветерком. В сопровождении звёздного неба и с видом на далёкий массив Аннапурны. Сидевший рядом американец заиграл на губной гармошке. Валера вступил с ним в разговор. Читатель, думаю, помнит Валеру, который пел Юрины песни, правда?

– А вы слышали когда-нибудь русские песни? – спросил Валера.

– Нет, – ответил американец.

– Хотите спую?

– Да, очень хочу...

Товарищи американца тоже закивали головами. И Валера запел:

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалёчко...

Пел охрипшим, но всё равно громким, раскатистым голосом; большой, худой, небритый. И гималайская ночь уважительно внимала задушевно-протяжной, русской, берущей за душу мелодии.

А живому нужна женщина его

Горы, штурмы, победы. Тратим на них главное время, а иной раз и саму жизнь. И вот наконец достигаем желанного результата. Но случается так, что вдруг понимаем: радость от нелегко полученного, конечно, есть, но какая-то она неполная. Чего же не хватает? Булат Окуджава даёт ответ:

– Господин лейтенант, что это вы хмуры?
Аль не по сердцу вам ваше ремесло?

– Господин генерал, вспомнились амуры –
Не скажу, чтобы мне с ними не везло.

– Господин лейтенант, нынче не до шашней:
Скоро бой предстоит, а вы всё про баб!

– Господин генерал, перед рукопашной
Золотые деньки вспомянуть хотя б. <...>

– На полях, лейтенант, кровию политых,
Расцветет, лейтенант, славы торжество...

Убеждает генерал, убеждает, сильнее распаляется, а лейтенанту мало, а точнее, совсем не нужно победы и славы. Не проникается он патетическим настроением и приземлённо отвечает:

– Господин генерал, слава для убитых,
А живому нужней женщина его...

Мою женщину звали Светланой, и в горы она никогда не ходила. Отсюда план завлечения её на штурмы и победы продумывался сложносочинённым, постепенным и «коварным». Когда замысел созрел, следовало его озвучить. Поскольку дело шло к свадьбе, я увязал раскрытие плана с этим судьбоносным моментом жизни, имитировал нешуточное волнение и сказал:

– Дорогая, я хочу сделать тебе свадебный подарок.

– Какой, милый? Золотое колечко с бриллиантом?

– Ты почти угадала, Светуля. Много-много украшений из серебра и целая россыпь почти драгоценных камней.

– О, как здорово! А где такие сокровища?

– Это делают в одной сказочной стране, куда мы с тобой поедем.

– Скорей скажи, дорогой, куда?!

– ...В Непал...

Попробуйте сделать такое предложение в целях оболыщения кого-то из ваших знакомых женщин. Прогнозирую, что в лучшем случае вам скажут: «Эт где? Там чо?» В среднем: «Чего я там забыла?» В худшем – просто покрутят пальцем у виска. Будучи дамой сравнительно вежливой и с учётом предстоящего сочетания браком, Света остановилась на лучшем варианте. И я с воодушевлением ответил:

– Мы будем там путешествовать.

– Непал вроде в Гималаях? Это ж высоко, а у меня нет никакого опыта.

– Конечно, любовь моя, опыт очень важен, поэтому сначала мы поедем его набираться в тёплое, комфортное и невысокое место в родной стране.

– На море? Ура!

– Не совсем. Мы поедем... на Кавказ...

Света сделала задумчивую гримасу, помычала и... согласилась. Коварный план мой она не раскусила, да вряд ли и другой женщине это бы удалось в силу тонкости задумки. Мы прилетели в Нальчик, проехали по Баксанскому ущелью, сняли прекрасный домик в Чегете. Да, по дороге я завёз её в Долину Нарзанов, где мы попили водички, а на чегетской поляне перешли к вину и шашлыкам.

Прокатались на канатной дороге до известного всем горнолыжникам, альпинистам, туристам и экскурсантам-матрасникам кафе «Ай», там выпили ещё.

– Дорогая, тебе нравится в горах?

– Очень!

На следующий день я предложил Свете пойти на «лёгкую горную прогулку». Под таковой подразумевался трёхдневный перевальный поход. Объяснил, что всю вещевую тяжесть беру на себя, а ей остаётся сушая лёгкость – ну, килограммов двенадцать-тринадцать. Зато рюкзак очень комфортный! А виды Большого Кавказского хребта и его окрестностей – вообще запредельные.

Вышли на маршрут. Через два часа подъёма Света застонала: «Это что, и в Непале твоём такой груз тащить? Наверняка ещё тяжелее!» Ага, вспомнила про Непал. Значит, коварный план работает, подумал я и успокаивающе ответил: «Что ты, милая, там нести ничего не нужно вообще, там грузы переносят носильщики». И стон прекратился: «Да? Ну, это другое дело».

Следующим испытанием стал ночлег в палатке, для Светланы он оказался первым в жизни. Всю ночь дама сердца ёрзала в спальном мешке, а утром, когда едва рассвело, растолкала меня с испуганным лицом: «Я так и знала, что тут опасно. Всю ночь вокруг палатки кто-то ходил. Вот и сейчас: послушай!» Явно живое существо действительно тёрлось о палаточный тент. Дышало и издавало непонятные звуки. Одно из двух, подумал я: или йети – но тогда придётся зафиксировать первое посещение Кавказа снежным человеком, или... пьяные аборигены, что более вероятно. Этого не хватало! Я неохотно вылез из мешка, выглянул из палатки и огляделся.

– Видишь ли, моя радость, мы находимся в опасном и труднодоступном месте, не знаю, как будем и выбираться... С «не знаю, как выбираться» я не лукавил: к палатке пришла корова и оставила прямо перед входом пахучую лепёшку...

– И что, в Непале мы тоже будем спать в палатке, в этих дурацких мешках, к нам будут приходить коровы и гадить окружающее пространство? Нет уж!

Я ликовал:

– Что ты такое говоришь? Мы будем спать в красивом аутентичном домике, на удобной кровати и чистом белье, а коровы там – вообще священные животные и ведут себя очень прилично.

– Ты не врешь?!

– Не сомневайся!

– А на Кавказ мы больше не поедем?

– Железно! Мы поедем в Непал...

И мы полетели в Непал.

Дальше я предложу читателю-мужчине, если он вдруг решится на подобную авантюру, модель сногшибательной демонстрации этой загадочной страны своей спутнице. Такой демонстрации, после которой вас не пошлют в известном направлении с полным прекращением отношений, а, напротив, станут любить и уважать гораздо больше. Сейчас советы по реализации позитивной и эффективной модели поведения называются модным словом «лайфхак». Таким образом, переходим к лайфхаку – на этот раз без смертей, крови и даже без ушибов и царапин.

Когда вы прилетите в Катманду, то прямо у входа в аэропорт увидите толпу людей, предлагающих вам *любые* услуги. Внимание! Поинтересуйтесь автомобилем, в который собираетесь посадить свою избранницу, поскольку автомобиль тоже может быть *любым*. Надеюсь, вы поняли: надо выбрать приличное авто, а они будут присутствовать в ограниченном количестве; в основном же это японо-корейский отработанный хлам.

К сожалению, на пути в более-менее цивилизованную часть миллионного Катманду – центральный район Тамел (не дай вам бог забуриться ещё куда-нибудь!) – вы не сможете закрыть спутнице глаза на пейзажи с кучами мусора, смогом, грязной рекой, бродячими собаками и людьми в респираторах. Пока то да сё, скажите, что это, к сожалению, характерно для всех больших городов в Индии, Таиланде, Вьетнаме и других азиатских странах. Вряд ли такая информация женщину успокоит, но всё же. А вот когда устроитесь в отеле (здесь и советовать нечего – нормальную гостиницу можно выбрать заранее по Интернету), наскоро перекусите оставшейся с дороги сухомяткой, запив её приветственным коктейлем, сразу приступайте к снятию недовольства захватывающим культурным шоком. Самое быстрое действие, заставляющее моментально забыть увиденные всего пять минут назад малоэстетичные пейзажи, производит... шопинг в серебряном магазине.

– Милый, серебряный магазин – это любопытно. А что, он здесь только один?

– Дорогая, а сколько бы ты хотела?

– У-у-у... Два, а лучше три.

– Света, я дарю тебе пять серебряных магазинов. Нет, улицу магазинов! Нет, целый квартал!

Ваша женщина не будет разочарована, даже если живёт в Москве, а проехала уже Нью-Йорк, Париж и Сидней. В магазинах Катманду есть то, чего она не видела в других странах: немыслимое количество серебряных украшений – матовых и блестящих, весёлых и таинственных, лёгких и солидных – хоть в грамм, хоть в килограмм весом, с камнями и без оных, изображающих любые геометрические фигуры и их сочетания, а также представителей флоры и фауны, а также символы всех религий... Уф, перечислять замучаешься.

А камни! Наверняка у вашей дамы давно лежат в потаённой шкатулке кольца, серьги, кулоны пусть и с маленькими, но бриллиантами. Но сюда вы приехали не за алмазной крошкой. Торговцы очаруют вас сотней драгоценных... ну, почти драгоценных камней, но уж точно – очаровательных названий: лунный камень и тигровый глаз, топаз и лазурит, коралл и аквамарин, сапфир и аметист, рубин и бирюза... В качестве и подлинности всего этого ни вы, ни она однозначно не разберётесь, тем более что и необходимости в этом нет: цена будет такой, что деньги отдать не жалко. И можно долго и с удовольствием торговаться, что женщины обожают, особенно когда продавец охотно идёт навстречу и показывает вам настоящий «театр скидок». Непальские украшения увлекают не подлинностью, не числом каратов в камне или пробой благородного металла – они приводят в восторг яркостью, оригинальностью формы. Вы убьёте свою спутницу наповал одной фразой: «Смотри-и-и-и! Такого. Ни. У. Ко-го. Нет!!!»

Когда она наберёт первый мешок серебра, заведите даму, не давая ей очухаться, в чайный магазин. В сортах чая тоже запутаетесь, но сразить можно не только числом сортов, но и «магическими» словами, которые лучше произносить по-английски. Скажите так: «О-о-о, highland». И добавьте: «У-у-у, organic».

– Что это означает? – спросит женщина.

– А ты разве не знаешь? Все знают! Высокогорный! И органический, то есть самый натуральный и экологичный чай из всех существующих на земле чаёв.

И в дополнение:

– Только здесь, в Непале, ты можешь купить уникальную добавку к любому чаю, которая делает его вкус совершенно непревзойдённым и называется «lemon grass».

– ???

– Высокогорная! Органическая!! Лимонная трава!!!

Вы уже загрузили рюкзак и одну руку? Но вторая-то остаётся свободной. Купите мандарины. В Москве нет таких вкусных мандаринов. Купите кокос в зелёной оболочке, и пусть её разрубят, а в дырочку воткнут трубочку, и вы отведаете настоящего кокосового молока. Те сморщенные коричневые «мячики», что продаются в России – это не кокосы, а внутри них – не молоко; это залежалый потомок свежего кокоса. Наконец, купите папайю: не ловитесь на маленькие аккуратненькие красивенькие плодики – берите большие, даже и с гнильцой сверху плоды. Это будет реальная папайя, а та, что игрушечного вида, – неспелая, и вкус у неё как у бумаги.

И? Отнесите всё в гостиницу. Отдохните совсем чуток. Примите душ. И... нет-нет, рано. Дама давно проголодалась, ведите её в ресторан. В какой? Думая на эту тему, вы должны понимать, что не увидите здесь ни обилия экзотических морепродуктов, характерного для прибрежных стран; ни жареных тараканов и скорпионов, которыми вас удивят, скажем, в Китае; вы не найдёте, пожалуй, ничего, что ошеломит даму неведомыми вкусовыми ощущениями. Поэтому идите на красивые названия: «Fusion Himalaya Restaurant», «Little Buddha», «Third Eye» и так далее. Везде вас ждёт индийская, тибетская, тайская, ну и, конечно, собственно непальская кухня – часто всё одновременно. Необычность же будет заключаться в самом стиле ресторана, в манере обслуживания, в способах готовки и подачи блюд.

Разумеется, женщине будут интересны визуальные эффекты типа «шизлинг чикен» и «гавайя стейк», о которых я уже рассказывал. «Далбат» стоит тоже попробовать, но этого в принципе вы вволю наедитесь на маршруте. Равно как и «томо». Это что за зверь? А-а-а, пельмени... Или «spring rolls». Блинчики с начинкой... Ну, различный хлеб. Тибетский, например. Это вроде лаваша, но жа-

рят его на масле. А чапати, или индийский хлеб, наоборот – на сухой сковородке. На десерт закажите пудинг или apple pie – яблочный пирог...

Если ваша дама гурман-мясоедка, ищите блюда из буйвола или яка – их в Катманду в достатке.

А теперь внимание! Помните, что узкие улицы, толчея и смог, идущие в беспорядке навстречу друг другу машины, рикши, мотоциклы, повозки с животными и многочисленные пешеходы никуда не делись, и спутница от этой экзотики порядком устала. Поэтому оставьте на следующие дни рекомендованное выше, а пока отправляйтесь в... «Garden of dreams». Прямо напротив комплекса королевского дворца, вдоль шумной и загазованной дороги стоит высокая кирпичная стена. В ней неширокий вход с этой самой табличкой – «Сад мечты». Вы заходите внутрь и... всё, что вы наблюдали пыльного, вонючего, шумного и прочего неприятного в последние несколько часов, внезапно исчезает. Да, оно близко, всего в десятке метров от вас, но вы его больше не видите, не слышите и никак не ощущаете. Вы вошли в «Garden of dreams».

На что похож «Сад мечты»? На любой ухоженный парк с подстриженными лужайками, ручейками, банановыми пальмами и мандариновыми деревьями, обилием цветов; мостиками и скамейками. Ну и конечно рестораниками. Что же в этом необычного? А необычен контраст с пространством, из которого вы пришли всего несколько минут назад. Закажите, ну... что-нибудь вообще любое. С европейскими напитками, которые напомнят вам об оставшейся далеко родине... Раскиньтесь по-свободнее на кресле или вообще садитесь на траву. Расслабьтесь и отдыхайте.

Куда дальше? В отель. Если вы приехали путешествовать по Гималаям, то в Катманду больше двух-трёх дней не задержитесь. Но прожить их надо так, чтобы запастись воспоминаниями об удобной и уютной близости в Катманду и не стремиться к ней на маршруте – она обещает быть экстремальной. Можно, конечно, соединиться и в горах, к этому мы вернёмся, но всё же максимально расходуйте энергию здесь. Впрок. В тепле и комфорте...

Ладно, пора и на волю, как говаривал мой друг Владимир. А «на воле» есть десятки привлекательных трекинговых маршрутов на любой вкус, но самые интересные и престижные ведут в сторону ЕВС – базового лагеря Эвереста. Приступая к его описанию, я ловлю себя на том, что как-то не поднимается перо, а точнее, пальцы над компьютерными клавишами, чтобы представить его одинаково мужчинам и женщинам. И решаю начать с дамского варианта, а к мужскому вернуться позднее. Ну, тронулись.

В Катманду надо сесть в маленький самолёт и лететь тридцать минут до Луклы, где начинается путешествие. Так и скажите: «Полёт как полёт. Лайнер маленький, а перелёт короткий». Далее избегайте подробностей, а в процессе этого перелёта максимально ограждайте даму от всех реальных деталей вокруг, заговаривайте ей зубы, используя в частях речи ласкательные суффиксы – самолётик, шассики, сиденьица, лётчики-чики, облачка, горочки, аэродромчик. Болтайте не переставая, и, глядишь, эти полчаса пролетят более-менее благополучно. Не последуете рекомендациям – и ваша возлюбленная может испытать не только культурный, но и физический шок. Причины будут изложены в мужских описаниях полёта, которые, как и обещано, последуют некоторое время спустя.

А пока продолжаю изложение лайфхака – теперь не обобщённо, а на собственном женско-мужском опыте. Прилетели мы со Светой в Луклу. Осмотрелись, попили кофе по-европейски, то есть из машинки, носильщик пристроил к себе на спину наши рюкзаки, и – стартовали. В первый день идут обычно два-три часа, что красиво, спокойно и не связано ни с каким напряжением. Остановились в лоджи в деревне Пакдинг, это даже чуть пониже Луклы, на высоте около 2700. Переночевали, встали, позавтракали по-непальски и направились в Номче-базар. На этом пути начинается кое-что...: скажем, никак не избежать пешего взлёта длиной в две с лишним тысячи шагов. Соответственно, я понимал, что никак не получится нейтрализовать периодически произносимые на подъёме Светочкины фразы: «Так и знала» и «Зачем мы сюда припёрлись».

Но терпел, теперь уже молча, не обгоняя события, потому что был уверен – воздастся. На ровной площадке перед дальнейшим и не столь крутым подъёмом в селение я интригующим голосом прервал причитания Светы как можно более восторженным возгласом: «Смотри, а вот Эверест!» С этого места путники действительно впервые видят гималайскую громаду. Издалека она кажется маленькой и нестрашной. Впечатляющему зрелищу идеально сопутствуют проникшие сюда торговки в национальных одеждах, продающие мандарины. Пара мандаринов стоит столько же, сколько килограмм в Катманду. Но не в этом же дело! Съесть мандаринку после такого подъёма, да с об-

зором вершины мира в придачу – никаких денег не жалко. Напряжение снято, и мы относительно спокойно преодолеваем путь до Номче-базара.

Здесь не только никаких проблем – здесь вообще классно. Здесь тусовка! На высоте 3500, на поднимающихся вверх террасах с несколькими сотнями строений вас ожидает почти всё то же, что и в Катманду, только в миниатюре: кафе, рестораны, магазины, клубы, рынки. За минусом смога и авто и плюсом живых природных картин из клуба кинопутешествий. То есть думать о том, что рано темнеет и что делать вечером, не приходилось – время пролетело мигом. К этому посёлку хорошо подходит определение «культовый» и знаменитая поговорка, применимая в принципе к некоторому значимому месту в любой стране: «Если в Номче не бывал, то Непала не видал!»

А вот после Номче... Кхе-кхе. Пару часов мы идём по чудесной тропе, без существенных высотных перепадов и с прекрасными пейзажами вокруг. Потом даже лучше: начинается длинный и некрутой спуск. Света испытывает восторг и забывает вчерашние недовольства. Да и любой новый человек погрузится на эти два часа в эйфорию. А бывалый лишь глубоко вздохнёт. Потому что набранная высота в горах – высшая ценность. Спуск эту ценность девальвирует, поскольку за потерю высоты придётся вскоре заплатить очередным подъёмом. Самое обидное, что на ту же самую высоту. Если выражаться в цифрах, то после Номче-базара вы постепенно спускаетесь метров на семьсот и для начала оказываетесь в совершенно чудесном месте, где прямо на природе с удовольствием «ланчуют» десятки людей.

«Я пока не голодна», – говорит Света. Мне приходится буквально упрасивать её съесть «чего-нибудь вкусенького», потому что...

– Дорогая, сейчас нам предстоит продолговатый подъём...

– Опять пилить вверх?

– Ну, в общем, да. Когда будешь идти, не думай о подъёме, а лучше считай. Досчитаешь до конца – и всё!

– А конец – это до сколько?

– До пяти.

– «Пяти» чего?

– Пяти тысяч шагов...

Да, я ведь раньше просчитал. Пять тысяч шагов в длину, а по высоте – километр подъёма...

Чтобы не слышать причитаний, я Свету «бросил» и убежал вперёд. Ничего с ней не сделается. Во-первых, с тропы никуда не собьёшься; во-вторых, люди ходят туда-сюда и помогут, если что; в-третьих, можно и меня на помощь голосом позвать, поскольку я периодически останавливался и ждал.

Дойдя доверху и пройдя через арку со священными барабанами-мантрами, моя дорогая сползла на землю и отказывалась вставать, несмотря на то что расстояние до ближайшей лоджи составляло несколько уже не тысяч, а сот метров. Минут через пятнадцать мне удалось заманить Свету в лоджу предложением выпить чаю, так как жажда к тому моменту высушила горло не по-детски.

3870. Достойно. Но счастья нет – одна усталость в ногах. Я знаю, что иные ощущения придут ночью, когда сон будет относительным, но уют и тепло – абсолютными. Если в эту ночь вы чего-нибудь такого попросите, то рискуете подвергнуться не только отказу, но также оскорблениям, до рукоприкладства включительно. Не трогайте её – дайте отдохнуть!

Останьтесь в этом месте на днёвку – очень хорошо для акклиматизации. Обязательно сходите в таинственный, величественный, построенный сто лет назад буддистский монастырь Тянгбоче – он рядом с вами. Что мы и делаем. Рассказываю Свете о том, что здесь идущие на восхождение альпинисты вверяют Будде в виде большой статуи свои судьбы и получают благословения лам. А идущие вниз благодарят Будду, а также других причастных и не очень людей и богов за то, что возвращаются.

У входа во внутреннюю часть монастыря я обращаю внимание спутницы на большие отпечатки ступней на камне. История их такая. Пятьсот лет назад почитаемый в округе лама Сангва Дордже принёс сюда Тибетский Буддизм. По преданию, Дордже прилетел в Тянгбоче по воздуху из Тибета, перепрыгнув Гималаи. Ему очень понравилась долина Кхумбу, и лама решил основать здесь монастырь. Он так долго неподвижно стоял и медитировал, что углубления от ступней остались на камнях. Воля ламы передавалась последователям Сангва Дордже, и четыре века спустя появился монастырь.

Тут всё демократично: заходите в любое время, разувайтесь и садитесь рядом с монахами. Служба тоже нежесткая: послушают монахи молитву ламы, подпоют, подуют в свои длинные трубы, а потом, не сходя с молитвенного места, попьют чайку с молоком, который принесёт один из братьев, и продолжают положенный ритуал.

Завершает день неспешный ужин в условной кают-кампании, которая есть в каждой лоджи. А на часах-то еле-еле девятнадцать. Чем заняться? Может, почитать книжки? Я взял специально для этих длинных вечеров опусы Далай-ламы, переведённые на русский язык. Там есть занятное, и много про любовь. Читаю вслух:

– ...Потребность в любви заложена в самой основе человеческого существования. Это происходит в результате глубокой взаимозависимости, связывающей людей друг с другом...

Недавно в Америке я встретился с группой учёных, которые рассказали, что процент душевных заболеваний в их стране очень высок. И главной причиной депрессии является не недостаток материальных благ, а отсутствие любви окружающих.

Осознаём мы это или нет, потребность любви находится у нас в крови с самого рождения. Даже если любовь исходит от животного или того, кого мы обычно считаем врагом, – и взрослые и дети будут естественно тяготеть к нему.

Я верю, что никто не рождается свободным от любви. Человека нельзя определить как только физическое существо, хотя некоторые современные философские школы и пытаются сделать это. Никакой материальный предмет, каким бы красивым или ценным он ни был, не заставит нас почувствовать себя любимыми...

Красиво, да? Может, слишком возвышенно, но, по мне, так в самый раз. В горах, в сумеречной комнате, рядом с буддийским монастырём, из которого даже теперь, вечером, долетают таинственные звуки. Но Света, я вижу, скучает... Тогда и приходит блестящая мысль: а давай-ка сочинять стихи! Создавать поэтическое описание нашего путешествия. Не в манере Далай-ламы и не тягаясь с настоящими поэтами, а легко и юмористично. Мысль была поддержана и скреплена нежным поцелуем. Затея не остыла и в последующие дни, когда началось сложение нетленной картины наших непальских приключений.

Кстати, не понимаю, почему говорят «нетленной». Потому что «рукописи не горят»? Ещё как горят! Горят и жесткие диски! Но всё-таки пореже. И мы штамповали нашу нетленку на компьютере. Что, тащим комп? Ну да. Уплачено! Носильщик есть – пусть несёт. И ноутбук, и сумку Светиной косметики, и даже домино в коробке – балуемся время от времени картишками и доминишками.

Попробовали писать оригинальный стих, но самым стало смешно: графомания какая-то. Лучше с чего-то пообезьянничать, ага? Для образца выбрали хулиганский вариант пушкинского «Евгения Онегина». Полагаю, что каждый интеллигентный человек помнит, как «мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он пять бутылок о...л, и лучше выдумать не смог...» Вот этому народному юмору мы и решили подражать. Начали с начала и по правде:

Наш Алекс самых честных правил,
Когда от пьянства занемог,
Светуле так мозги заправил,
Что в Гималаи уволок.

Подруга плакала сначала,
С любимым чуть не разошлась,
Потом природе отдалась
И по горам слоняться стала,
Вставала поздно или рано
Под сению Ама-Даблама...

Нас действительно долго сопровождал вид на Ама-Даблам – культовую гималайскую вершину. «Ама» по-непальски означает мать или бабушку, а «даблам» – подвеску с украшениями. На горе есть пояс всяких ледников, который и напоминает даблам, а гребни горы представляются как материнские руки, разведённые для объятия. Ама-Даблам хоть и не дотягивает по высоте до Эвереста целых два километра, но признан одной из красивейших и сложнейших вершин Гималаев и даже мира.

Ну, сидим, стало быть, и акклиматизируемся возле монастыря Тянгбоче. Здешнее утро наполнено какофонией звуков: мычат яки, звенят колокольчиками проходящие рядом ишаки и лошади с поклажей, дудят в свои трубы монахи, приветствуют друг друга трекеры и альпинисты. Ещё не вечер, но, раз уж включились в стихотворную игру, эта картина моментально находит своё отражение в поэтических строчках.

Бывало, только выйдет солнце,
В Тянгбоче шум и тарарам,
Вон кто-то глянул из оконца
И выпил... чаю триста грамм.

В стихах находила отражение наша углублённая исследовательская деятельность, направленная на изучение природы, традиций, животного мира горной страны.

Касательно подъёма вверх вдруг звучат неожиданные, но в глубине души, в самом её уголке затаившиеся, а значит, ожидаемые Светины слова: «Дальше я не пойду». Э-э-эх... Но время до утра есть, и я вспоминаю железное мужское правило, раскрывающее тайну снятия любого напряжения всего тремя фразами. Не знаете, какими? Тогда сообщаю по секрету: 1. Люблю. 2. Куплю. 3. Я не прав. Про «люблю» понятно: мы и вправду любили друг друга. Насчёт «не прав» я сделал трагическое лицо и произнёс что-то вроде: «Прости, дорогая, не следовало мне без должной подготовки тащить тебя сюда». И – с постепенным переходом к «но раз уж так случилось...». Оба пункта следовало закрепить удачным торгом. Он произошёл и получил отражение в нашей самодеятельной поэзии.

А вверх протопали три с лишним.
Ну, альпинисты, ну, народ!
И Света, в сговоре с всевышним,
Достать любимого идёт...

На переходе от Тянгбоче к находящемуся на высоте около четырёх с половиной тысяч метров посёлку Дингбоче предстоит несколько длинных взлётов, и организм начинает активно сопротивляться высоте. Света бурчит про себя нецензурные проклятья, но идёт, а вечером мы вновь садимся за стихи, ставшие более жёсткими, в соответствии с рельефом местности.

Завтра предстоит сложный путь до Лубоче. Но мы хорошо поняли, что наслаждаться надо сегодняшним днём, обилием чая, вкусным ужином; ловить счастливые моменты, как рекомендуют психологи. А завтра будет завтра.

Чувствую, опять мыслите заподозрить меня в рифмоплётстве: «народ – огород». И снова ошибаетесь! В Дингбоче на высоте 4400–4500 и вправду есть огороды, на которых растёт родная и понятная нам всем картошка. Вероятно, и ещё чего-то растёт, да ведь сейчас зима, январь. Где же на такой высоте взять дров? Они тут на вес золота. Вот и сушат кизяки, а потом кидают их в печку. Впрочем, дискомфорта это за собой не влечёт, и даже напротив – из печки исходит сладковатый, пряный и совсем не раздражающий запах. И так нужное всем долгожданное тепло. Почему долгожданное? Потому что кизяки экономят и затапливают печь только ближе к вечеру, а уже часов в девять перестают подбрасывать новое топливо...

Засыпая... Хотя, честно сказать, какой сон – сна больше нет. А сновидения есть. Хочу забыться, отдаться этим дремотным грёзам, но гложет отчётливая мысль: завтра Света начнёт погибаться по дороге и, наконец, пошлёт меня к бениной маме.

Утреннее солнце, внезапно выглянувшее сквозь серые облака; завтрак, чудесный Ама-Даблам способствовали рождению последнего совместного четверостишия.

В комнате, где мы спим в Дингбоче, температура плюсовая. Настолько плюсовая, что изо рта идёт пар. И туалет тёплый внутри домика. Настолько тёплый, что и фаянсовый писуар, и вода в ведре рядом покрылись льдом. Да-а-а... Но тут появляются весёлые и легко одетые непальцы, протягивающие нам миски с подогретой на костре водой: умывайтесь на здоровье! Ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

Улыбчивый настрой испарился через пару часов подъёма к следующему, предпоследнему на этом

маршруте «тёплому» пункту – селению Лубоче на высоте около пяти тысяч метров. Света тяжело дышит, кашляет, то и дело останавливается, клянёт свою доверчивость, судьбу и меня – эти трое сыгнали с ней такую злую шутку. Вообще-то и сам я чувствую себя, прямо скажем, хреново, корёжит и колбасит; естественно, не подаю виду и молю Бога, чтобы мы как-то доковыляли до лоджи.

К моменту, когда доплетаемся, сил нет даже на выяснение отношений. Морально Света созрела для того, чтобы уйти вниз, но физических возможностей для этого нет. Башка раскалывается, нет желания ни есть, ни спать, не хочется ничего. Просто лежим и смотрим в потолок. Приходит сирдар и даёт таблетки, которые, к нашему удивлению, оказывают облегчающее действие.

Утром Света выглядит усталой и невыспавшейся. Не скажу, что я чувствую себя молодцом. Короче, придётся валить вниз. Жаль. До Горак-шеп на 5200 – самого высокого постоянно жилого поселения в Непале, да и в мире, два – максимум три часа пути. Оттуда ещё пару часов до ЕВС – базового лагеря Эвереста, и мечта – не клаймера, конечно, а треккера – сбылась. Но... значит, в следующий раз.

На спуске мне неоднократно приходилось наблюдать, как люди оживают за считанные часы. Лица распрямляются, возвращается аппетит. А на второй день спуска человек вообще летит на крыльях. Вот и Света: «А зря мы в ЕВС не забрались. Чего ж ты меня не уговорил?» Да-а-а...

Вернулась игра в стихи, которые теперь стали совсем радостными:

Так за приятным разговором,
Не часто прерываясь спором,
Весь путь мечтая о биде,
Они дошли до Катманде...

Забыл сказать, что в ходе «торга» мы договорились до того, что попадём-таки на моря, причём очень скоро. Прямых авиарейсов из Непала в Москву нет, приходится делать пересадку в Объединённых Арабских Эмиратах. Вот мы и решили остаться в ОАЭ на три дня. Здесь всего двумя строками и завершился процесс создания поэмы, получившей название «Гималайская семейная».

ГЛАВА IV

Учитель математики

Каждый желает увидеть новые места, так? Так. С другой стороны, очень хочется посетить те места, которые знакомы и очень понравились, так? Ну да. А что лучше, первое или второе? Э-э-э, лучше то и другое, верно? Верно.

Но существуют совершенно иные, не обоснованные обычной логикой варианты. Иногда в жизни притягивает и затягивает непонятно что. В который раз за пятнадцать лет лечу в Непал, и каждый раз – неожиданно для самого себя. Поскольку новые места увидел, а полюбившиеся освежил в памяти. Ну, казалось бы, и хватит. После первой экспедиции меня часто спрашивали: когда в следующий раз? Я отвечал, что не знаю и что, может быть, никогда. Я действительно так думал после первой поездки. А потом после второй. И после третьей. Ощущения не менялись, равно как и те, что появлялись позже, – вот это самое непонятно что. Ну да, были предложения Володи поехать в Непал, и я откликнулся на них, да это всего пара случаев. Но когда и не случалось никаких предложений, и даже когда не находилось желающих стать моим попутчиком, внутренний голос непредсказуемо прорезался: давай полетим.

Когда я рассказывал про путешествие со Светланой, то храбрился и представлял это как свой «коварный» план. Но, сказать по правде, занялся я этим планом от безнадёги: внутренний голос нелогично звал, и существовало единственное препятствие: ехать было не с кем, а до путешествий в одиночку, автономных бдений и медитаций я, хоть убейте, не созрел. Вот и занялся вовлечением любимой женщины в свои непальские дела. Тогда, в «коварном плане», всё закончилось хорошо, и «тёплая любовь» происходила, и даже свадьба вскоре состоялась. Я был благодарен Свете за компанию, да и она благодарна мне, хотя даже и в мыслях не допускала повторную поездку. Однако непонятно что передалось и ей. И когда я вдруг заговорил, что собираюсь в страну в очередной раз, Света неожиданно сказала: «Так поехали вместе. Но с одним условием: и маршрут станем теперь планировать вместе».

Начали с отсеечения неприемлемых вариантов. Памятуя высотные страдания, молодая жена наотрез отказалась повторять вариант с ЕВС. Сколько я ни напоминал, что до базового лагеря Эвереста оставалось всего... Да-да, – соглашалась Светлана и тут же напоминала мне нашу «поэму», прибавляя к ней дополнительные строки – поэтическую обработку моей «агитации»:

– ...Давай пойдём посмотреть Лхоццы,
И почитаем Конфуци,
А там ещё монастыри,
А там беседы до зари,
А там ещё и скаल्प Йети –
Туда всего семь дней пути!

Всё правда! И то, что восьмитысячник Лхоцзе виден с маршрута в ЕВС; и то, что брали с собой на трекинг труды не только Далай-ламы, но и Конфуция – до Китая-то рукой подать, а Тибет вообще рядом; что меньше, чем за семь дней до базового лагеря Эвереста не доберёшься; и даже про снежного человека – об этом будет особая история. Тем не менее маршрут Света отклонила, а выбрала почему-то ничем, на мой взгляд, не привлекательный Лангтанг.

Ну, не то чтобы ничем... Это я говорю как человек искушённый. Вершины, рисовые террасы, озёра, буддистско-индуистские артефакты, разумеется, присутствуют. Но этого на любом горном маршруте довольно. Что ещё? В путеводителях почему-то рекламируется сыроварня, построенная швейцарцами в пятидесятых годах прошлого века. Бог ты мой, о чём речь? Можно, конечно, заглянуть в три обычных сарая и попробовать вкусного сыра, но что в этом особенного? В магазинах Катманду сыра навалом, хоть горного, хоть подгорного. Да, неплохо залезть на пятитысячник Черко Ри и окинуть взглядом окрестности. Слов нет, вид шикарный. Но вряд ли всё это способно компенсировать многочасовой переезд на старых джипах по раздолбанным дорогам. На большей части пути вообще отсутствует асфальт, и вы некомфортно трясётесь по засыпанной гравием грунтовке.

Тем не менее я поддался на Лангтанг, и мы тряслись, и Света ела сыр, а пока она это делала, я забирался на Черко Ри. Впрочем, речь пойдёт не о трекинге, а совсем о другом. История, которую я хочу рассказать, началась как раз с автомобильной дороги. На её узком участке, где грунтовка переходит в асфальт, образовалась пробка, и наш джип остановился. Я уже говорил, что автодорога в горах зачастую «полуторарядная», то есть где-то существует один ряд с «карманами» для разъездов, а где-то еле-еле два. То есть даже небольшая авария способна серьёзно парализовать движение. Когда мы внезапно остановились, то не знали, что за авария случилась и как много времени займёт её устранение, но не слишком грустили. Ну, растащат аварийные машины за час или два, а пока прогуляемся. Я совсем обрадовался, увидев домики с незатейливой торговлей. А чего надоть? Взял фляжку кукри-рома, чипсы и лёг спать на заднее сиденье авто. Однако, проснувшись через два часа и обнаружив, что ситуация не разруливается, я начал волноваться. «Давай пойдём вдоль колонны и посмотрим, что там произошло», – предложил я Свете, и она согласилась.

Мы прошли не менее двух километров и только тогда увидели аварию. Она оказалась серьёзной: столкнулись автобус и большой индийский грузовик. Автобус лежал на боку, а с грузовиком было похуже – он висел над пропастью. Растащить их подсобными средствами и существующей на этом месте техникой не получалось, и все ждали специализированной помощи типа тягача и подъёмного крана. В результате столкновения с двух направлений собрались колонны авто, каждая длиной километра в два. Тут уже радость от кукри-рома и чипсов улетучилась, сменившись беспокойством. Если бы просто скучать на дороге в природном окружении – ладно, но у нас на следующий день планировался вылет из Катманду на родину, и мы нешуточно волновались. Надо было принимать решение, но какое? До столицы Непала оставалось около ста километров, и пешком мы их за сутки никак не преодолеем. В конце концов я предложил:

– Света, давай обойдём обе застрявшие колонны и выберемся на «чистое» пространство. Возможно, там появится какое-то «боковое» движение в сторону Катманду.

– Алекс, смотри, уже темнеет. Через час станет совсем темно. И куда мы денемся в горах, бросив автомобиль и оставшись с тяжёлыми рюкзаками?

– Селения вдоль дороги есть везде. Переночуем, если что. А там видно будет.

Мы обошли одну колонну, потом вторую. Потом шли ещё часа полтора; с рюкзаками, которые

мы, избалованные непальским сервисом, таскать отвыкли. И Света начала уставать, сопровождая физические ощущения унылым женским нытьём. Я бросился успокаивать и высматривать домики для возможного ночлега. И вдруг со стороны оставшейся позади пробки раздался нарастающий гул. Он приближался, и мы поняли, что путь расчистили и колонны пришли в движение. Радость сменилась недоумением, поскольку приближались к нам не машины, а мотоциклы. На любой дороге в Непале они составляют весомую часть трафика, и сейчас вырвались вперёд и гнали мимо нас сотни и сотни байков.

– Они собьют нас, – кричала Света. – Мы так нелепо погибнем!

Далее последовали понятные слова в мой адрес, которые нет смысла пересказывать: снова виноват, и нет оправданий! Но за эмоциями вырисовывалась реальная проблема: куда деваться? Ночь, вдоль автодороги нет не только тротуара, а даже тропинки – сразу начинается пропасть. Что ж, попробуем сесть на «попутку». Мы зажгли фонарики, стали «голосовать», и вскоре один из мотоциклов остановился. Надо сказать, что непальцы в плане «подсадки» пассажира отзывчивы и дружелюбны. Но... маленький байк мог взять только одного человека, а как поступить с рюкзаком, вообще не понятно. Впрочем, вникать в эту третьестепенную проблему мы и не стали: Света наотрез отказалась ехать в одиночку. Села на краешек дороги, уткнула лицо в ладони и заплакала.

Поток ревущих мотоциклов сменился лавой автомобилей. Мы сразу увидели, что искать наш джип в темноте, в стихийном потоке бессмысленно. Я попытался поймать теперь уже не мотоцикл, а какой-нибудь транспорт посolidнее, и вновь довольно скоро рядом с нами остановился микроавтобус – я же говорил, что непальцы отзывчивые. Но надежда оказалась преждевременной.

– Вас двое? – спросил водитель.

– Да.

– Пусть один залезает внутрь, а второй размещается на крыше!

Можно бы и так, если... «Если» выглядело следующим образом: дверь микроавтобуса не закрывалась, а наружу свешивались руки и ноги пассажиров. Пространство на крыше также заполнено под завязку – и с трудом осознавалось, как люди там держатся. Любопытно, но никто из пассажиров не возражал против нашего присоединения: напротив, они улыбались, подбадривали нас и предлагали помощь. Ситуация выглядела, мягко говоря, непривычной...

Отвлечёмся ненадолго и вспомним фильм «Бриллиантовая рука». Сыгранный Андреем Мироновым «помощник Шефа» Геша Козодоев оказывается, по ходу сюжета, на «необитаемом острове» и в отчаянии заламывает руки. Вдруг появляется «волшебный» мальчик, который, подобно Спасителю, идёт по воде «аки по суху». Геша пристраивается за ним и благополучно достигает берега. Понятно, что эпизод из фильма делался нарочито смешным и анекдотичным.

Однако нам посчастливилось пережить аналогичную сцену в реальности, когда непривычная и некомфортная коллизия чудесным образом разрешилась. От бесформенной светящейся колонны отделился приличный, не похожий на большинство других своей новизной и аккуратностью автомобиль, подкатил к нам и остановился, чуть не сваливаясь в пропасть.

– Здравствуйте! Вам куда?

– В Катманду, – заикаясь и не веря своему счастью, произнесла Света.

– Пожалуйста, садитесь, располагайтесь.

– Деньги, предложи ему деньги, дай любые деньги! – бубнила мне на ухо Света.

– Да подожди ты! Пусть сами назовут цену, – отнекивался я.

В небольшой машине сидели водитель и семья из четырёх человек: мужа, жены и двух маленьких детей. То есть машина была заполнена, но по сравнению с вариантом «добротного микроавтобуса» она представлялась полупустой. Супруги взяли малогабаритных детей на колени, и мы блаженно расположились на заднем сиденье. Один рюкзак запихали в багажник, а второй привязали на крышу. Мужчину звали Кеш, он безукоризненно говорил на английском и выказывал нам искреннее расположение и желание помочь. О плате за проезд речи не заходило, и, когда я всё-таки вежливо спросил про это, Кеш категорически отказался. Более того: по дороге к Катманду он настоял на передышке, сводил нас в ресторанчик, накормил ужином и оплатил его. Помнится, мы с удовольствием съели овощной салат и спагетти с яйцом и курятиной, а выпили на этот раз местного джина.

Кеш рассказал, что живёт в провинции и долгое время преподаёт в школе математику. Несколько последних лет он занимался тем, что, на первый взгляд, могло показаться бизнесом – от-

правкой непальских детей для обучения за рубежом. Но бизнес, по словам Кеша, был весьма условным, поскольку учитель находил одарённых детей, а деньги брал главным образом не с их семьи, а с более-менее состоятельных доброжелателей. И выходило вроде бы как то на то, то есть без прибыли. Но сведущий человек поймёт, что так не бывает: самому учителю тоже что-то перепало – мы сделали такой вывод, исходя из того, что Кеш поделился планами переезда в Катманду. Ну и пусть, это нормально.

Учитель довёз нас до самой гостиницы, а мы пожелали этой чудесной семье наших спасителей всяческого благополучия. Я очень жалел, что у нас нет с собой какого-нибудь русского сувенира, чтобы хоть так отблагодарить доброго человека. Но визитная карточка имелась: я передал её Кешу и совершенно искренне пригласил его в Москву. А что? Вдруг учитель направит детей на учёбу в Россию, так пусть с ними и приезжает, а мы достойно примем и поможем чем можем. В общем, see you in Moscow! «Fine, hope it will be sooner or later», – отреагировал учитель. Вряд ли я верил в реальность будущей встречи и уж во всяком случае не догадывался, насколько скоро она состоится.

Казалось бы, всё это есть отдельная история со счастливым концом, однако я не стал бы предлагать этот сюжет читателю, завершись он и в самом деле на данном эпизоде или даже на встрече в Москве...

Итак, повторяю, в который раз за пятнадцать лет я летел в Непал. В этот раз мы со спутником – крепким парнем Богданом из Иркутска – решили уйти от традиционных маршрутов и забрались в труднодоступный и не слишком популярный у путешественников среднезападный регион страны, в местность Ролпа. Амбициозных задач перед собой не ставили, крутых приключений не искали, и ничто их, как говорится, не предвещало. Хотя – пора об этом сказать как-то пояснее – в Непале уже около десяти лет шла гражданская война. Звучит страшновато, но нам-то что? Да, на окраине городов, на блок-постах в стратегических транспортных перекрёстках появились шлагбаумы, а рядом с ними штабеля мешков с песком, дежурные вышки и прочие точки с вооружёнными солдатами. Проезжающих людей вытряхивали из автобусов и автомобилей и подвергали проверке. Но нас это не касалось: увидев в машине белых путешественников, патрульный небрежно взмахивал рукой – проезжайте. Не трогали даже сидящих рядом с нами непальцев, портера и сирдара, которые откровенно боялись проверок.

На каком-то этапе мы расстались с машиной, забрались по тропам в горы и бродили от селения к селению: ночлег и еду в Непале можно получить везде. Но поведение здешних аборигенов отличалось от известного нам раньше. На всемирно известных маршрутах к Эвересту или Аннапурне непальцы не обращали на треккеров и альпинистов никакого внимания, даже если вы проходили в двух шагах от, например, стригущего овцу мужчины. Здесь жители вели себя по-другому: завидев нас, оставляли своё занятие, изучали пришельцев, а потом смотрели им вслед. Некоторые странности отмечались не только в поведении людей, но и в так называемой «наглядной агитации». Вместо обычных государственных флагов Непала мы видели красные флаги: иногда с серпом и молотом, порой – с профилями Маркса – Энгельса – Ленина – Мао Цзэ-дуна, а зачастую и со скрещёнными автоматами Калашникова на фоне горной гряды. Любопытствуя, мы обратились с вопросом к сирдару Нарендре: что означает символика? С горами ясно, а вот автоматы? Он лаконично отвечал, что это маоисты, а подробных разъяснений избегал.

На одном из переходов по горному ущелью откуда ни возьмись появилась большая группа весёлых и преимущественно молодых людей. Всё бы ничего – непальцы миролюбивы – но эти ребята были почему-то одеты в одинаковую полевую форму с шевронами, где изображались как раз автоматы на фоне гор, и вооружены винтовками, автоматами и даже ручными пулемётами. «Маоисты», – снова произнёс Нарендра и замолчал. «Полевые» парни явно не намеревались проходить мимо, перегородили нам дорогу, а один из них отдал непонятные команды на местном наречии. Как оказалось, они касались нас:

– Просят снять и открыть ваши рюкзаки, – испуганно перевёл сирдар и застыл в ожидании: рюкзаки несли он и портер Рави.

Что за дела, грабёж? С воровством в стране, чаще мелким, мы сталкивались неоднократно, но вот чтобы по-крупному грабили на дороге – такого не встречали. Мы начали протестовать по-английски, и тогда один из группы подошёл к Рави и просто сдёрнул с него рюкзак. Мы поняли, что «дело пахнет керосином», и стояли в недоумении. Богдан попытался отобрать рюкзак, но был грубо отброшен

в сторону «полевым». Желая проверить рюкзак не просто оттолкнул моего спутника, но недвусмысленно похлопал рукой по автомату. Видимо, предстояло смириться.

Но из группы вышел человек постарше и, в свою очередь, отдал несколько резких приказаний. «Захватчик» вразвалочку отошёл в сторону, а отдавший команду – явно командир – наоборот, быстро приблизился ко мне и даже обнял. Я, наконец, узнал его: это был Кеш, учитель математики, наш вызволитель из «пробкового» плена два года назад. Пожелание о встрече сбылось, причём не later, а sooner...

Накануне в полицейский участок района пришёл старик и рассказал, что в его селение нагрянули незнакомцы и порезали скотину. От имени жителей просил приехать – в село вела приемлемая для автомобилей дорога – и разобраться. Начальник полиции Ашир знал, что в деревне симпатизируют маоистам, но в округе не было мест, где жители, а точнее большинство из них, относились бы к ним по-другому. В любом случае полиции полагалось следить за порядком, к тому же конфликт носил бытовой характер. Ашир отправил наряд из трёх человек – водителя Ахана, стрелков Кирана и Дхармы, считая, что этого будет довольно: в конце концов, едут они не воевать.

Все полицейские взяли с собой пистолеты и автоматы – в последние годы с оружием привыкли не расставаться никогда – и выдвинулись в деревню. Дорога была пустой, и до места назначения доехали спокойно. Но случился смешной казус: у въезда в деревню Кирана приспичило, и он попросил товарищей следовать дальше и найти дом, про который говорил старик, а Киран подтянется.

Как искать этот дом? Единственный способ – спросить. Но улица, а вернее обозримое пространство, – в непальских деревнях понятие «улицы» является весьма условным, – пустовала, люди будто попрятались; не видно было и старика-жалобщика. У одного из строений двери и в жилой дом, и в сарай для скота стояли распахнутыми; полицейские зашли внутрь. У входа лежал мёртвый мужчина, а скотину, наверное, вправду порезали и порубили на мясо или угнали, поскольку сарай пустовал. Вот те на, вот тебе и воры! Раздумывая о дальнейших действиях, Ахан и Дхарма вышли наружу и закурили.

Сделав по паре затяжек, полицейские увидели, что по направлению к ним с разных сторон движутся вооружённые люди в камуфляже и с хорошо известными полиции шеvronами: автоматы на фоне гор. Оружие наступающие держали наизготовку; Ахан и Дхарма поняли, что сила явно не на стороне полиции, и бросились убежать через задний двор. Тут же раздалась автоматные очереди, одна из которых достала Ахана. Он упал, а Дхарма успел спрятаться за стену дома и дал оттуда несколько коротких ответных очередей. Потом перебрался через забор и оказался в соседнем дворе, где на верёвках сушились одеяла. Дхарму за одеялами не было видно, но по ним стреляли, и на одеялах возникали «узоры» из пулевых отверстий. Полицейский не шевелился, а когда под одеялами появились две пары ног, выстрелил по ним. Обладатели ног упали, а Дхарма побежал дальше, продолжая стрелять. Вскоре он понял, что его окружили, и бросился к входу одного из строений, надеясь забаррикадироваться в доме. Дверь оказалась незапертой, Дхарма заскочил внутрь и тут же получил удар прикладом в лицо.

Когда преследователи увлеклись Дхармой, Ахан, которого не убили, а только ранили, с трудом поднялся и, не желая попадать в плен, побежал к машине. Ключ торчал в зажигании, вдруг удастся резко стартовать и подавить этих ублюдков. А если и застрелят, то это лучше, чем быть замученным. Однако маоисты ни на секунду не теряли его из виду: сразу же раздался хлопок, характерный шелест, и заряд гранатомёта разнёс автомобиль, превратив его в пылающий факел. Ахана повалило взрывной волной, пламя опалило ему брови и волосы на голове.

Подоспевший Киран, третий полицейский из наряда, наблюдал эти сцены из кустов и пока оставался невидимым для нападавших. Его автомат лежал в машине – кто ж прогнозировал, что такое случится. Киран больше всего не хотел, чтобы его посчитали трусом, но что делать? Возможно, стоит спрятаться и выждать, а потом бежать к своим? Но на это, при передвижении пешком, уйдёт не менее двух часов, и что он доложит начальнику полиции? Нет, покинуть поле внезапно завязавшегося боя не получится. Киран достал пистолет, но не понимал, что можно и нужно сделать дальше; смотрел и выжидал.

Избитого Дхарму и раненого Ахана связали, поставили на колени и на время оставили в покое. Полицейские видели, как бандиты деловито собирают продукты из домашних магазинчиков – в проходной деревне таковым является почти каждый дом – и рисуют на стенах мелом серпы и молоты.

Жители не протестовали, а скорее наоборот: некоторые из них выносили продукты сами. Тут окончательно стало понятно, что это маоисты.

Рядом с полицейскими положили убитого участника отряда, поодаль посадили двоих подстреленных Дхармой. Подошёл командир и, обращаясь к ним, сказал:

– Что, не могли взять полицейских без стрельбы?

– Они появились неожиданно, Кеш, – ответил один из раненых.

– А чего ж вы идёте во весь рост? Почувствовали себя бессмертными героями? Вот и поплатились...

Да, командиром был Кеш, прежде учитель математики, а теперь главный в отряде маоистов. Он продолжал спрашивать подчинённых:

– Вы наказали тех, кто настучал на нас в полицейский участок?

– Да, командир, наказали всех.

– Их дома сожгите.

– Полицейских тоже сжечь?

– Зачем? Они приехали искать забитых яков. А поскольку не нашли, мы зарежем их самих.

Кеш кивнул помощнику, тот достал кукри-нож и одним взмахом перерезал горло Дхарме. Ахана затрясло. Теперь не от страха, а от ненависти: он хорошо сознавал, что уже не жилец, и очень хотел бы, как и Дхарма, прихватить с собой на тот свет пару маоистов. Он вдруг заметил, как за кустом целится из пистолета Киран. Чтобы хоть на мгновение отвлечь врагов, Ахан дёрнулся всем телом, вскочил на ноги и боднул Кеша головой. Тот мгновенно выхватил пистолет и выстрелил полицейскому в грудь, но в тот же момент раздались выстрелы Кирана из кустов. В Кеша он не попал, но уложил палача с ножом и одного из стоявших вокруг маоистов. Большого сделать не успел – его тело сразу изрешетили выстрелы...

И вот с Кешем-то мы и встретились на тропе, ничего не зная ни про убийство полицейских в деревне, ни о его теперешней деятельности вообще. Поведение «полевых» на дороге, конечно, нас напугало и насторожило, но Кеш старался максимально погасить эти неприятные ощущения. Он весело вспомнил поездку двухлетней давности, спросил про Светлану, имя которой, оказывается, запомнил, и привёл нас к дому, хозяева которого предоставили ночлег. Мы прикинули, что это не было обычным гостеприимством: обитатели постройки смотрели на нас неприветливо, а приют дали, как мы догадались, под нажимом Кеша. Они не требовали денег, а молча приносили еду и постели, и никакой склонности к общению не проявляли. Нам же очень хотелось разузнать о том, что же здесь происходит.

Кое-что прояснил сам Кеш. Откровенно признался, что всегда недолюбливал королевскую власть, однако в политической жизни до поры до времени не участвовал и работал учителем математики в Ливанге. Этот окружённый горами город с двадцатью тысячами жителей и в то время, и сейчас оставался, подобно Катманду, хорошо защищённой военной крепостью. Маоисты оставили Ливанг в покое: им и так предоставляли убежище в любой деревне округа. Таким образом, Кеш наблюдал за борьбой государственных структур и оппозиции со стороны. При этом и он, и его близкие в родной деревне симпатизировали маоистам...

Здесь придётся немного прерваться, чтобы рассказать про особенности местной – и не только – политической терминологии. Во-первых, «маоистами» представители оппозиции себя не называли. А тем более «бандитами» и «разбойниками». Эти слова значились в лексиконе полиции и чиновников. Сами же носители адресованных им странных и страшных названий определяли себя как «коммунисты», «повстанцы» и «борцы с режимом».

Вам, читатель, это ничего не напоминает? А-а-а, вы где-то сталкивались с подобной лингвистической схваткой? Уж не в России ли, скажем, во времена чеченской войны? Но подобное вы могли видеть и слышать не только там, а, в принципе, в любой стране мира, где происходит внутреннее противостояние. То есть вопрос о том, как кого называть, лежит в плоскости вашего собственного отношения к происходящему. Потому что «повстанцы» и «бандиты», а в случае с Непалом «коммунисты» и «маоисты» – это одни и те же люди. Какой же вариант следовало выбрать в неизбежном публичном общении нам, путешествующим вне политики? Поразмышляли и взяли средний, никого не обижающий и не ведущий к конфликтам вариант: «маоисты», поскольку это тоже коммунисты, но сторонники фракционной идеологии; и «повстанцы», которые в подтексте могут быть как «бандитами», так и «борцами за права»...

Вернёмся к встрече с Кешем. Он выпил с нами масала-чаю и поделился историей своего преобразования из учителя в боевика. Маоисты из деревни Кеша произвели налёт на полицейский участок с целью захвата оружия и, в ходе столкновения, убили нескольких полицейских. Те вызвали подкрепление и в большом количестве приехали в деревню, чтобы наказать виновных. Родственница Кеша не имела никакого отношения к гибели полицейских, и поэтому вела себя дерзко и отказывалась отвечать на вопросы, а тем более называть боевиков. Недовольные таким поведением полицейские избili женщину, а потом изнасиловали. Узнав об этом, прибежал отец девушки, застрелил одного из обидчиков и был убит сам.

Возмущённый Кеш нагрянул в полицейский участок с требованием наказать виновных. Его не стали слушать и выставили за дверь. Но Кеш и дальше продолжал действовать по закону, написав жалобы во властные инстанции. Никаких разбирательств не последовало, и более того – самого Кеша обвинили в убийстве и два месяца продержали в тюрьме. Учитель вышел оттуда с твёрдым намерением мстить и собрал вокруг себя группу недовольных. На следующий день они напали на казарму обидчиков и уничтожили двенадцать человек.

Остаться в селении, не говоря уже о продолжении преподавательской работы, было невозможно, и «засветившаяся» группа жителей, включая Кеша, создала свой лагерь в горах и сначала действовала партизанскими методами. Постепенно она пополнилась новыми бойцами, стала координировать свои действия с другими группами, и все они вместе взятые превратились фактически в профессиональную армию. Так же, как и в других внутренних жёстких противостояниях власти и оппозиции, часть революционеров имела свои постоянные базы, военную форму, вооружение, а другая часть после боевых операций «превращалась» в мирное население.

Во время беседы с Кешем мы старались поддерживать диалог на спокойном и дружелюбном уровне, не «нарываться», но любопытство брало верх:

– Вы теперь командир повстанцев?

– Да.

– И сколько у вас бойцов?

– Достаточно.

– Это те десять – пятнадцать человек, которых мы встретили?

– У меня под началом шестьсот повстанцев, – улыбнулся Кеш. – И таких отрядов у нас немало.

– Им, наверное, трудно прятаться?

– Мы уже давно не прячемся. После того как мировые империалисты свергли короля Бира, мы начали формировать регулярную армию...

Мне сразу вспомнился расстрел в королевском дворце 2001 года и полученное тогда сотрясение мозга. Ах, вот кто виноват в смерти членов королевской семьи – империалисты... При чём здесь империализм? – подумал я про себя, а вслух спросил:

– Там вроде принц Дип расстрелял семью?..

– Вы ещё расскажите про неисправный автомат, как об этом писали газеты. Или про то, что принц застрелился, – зло рассмеялся учитель. – Всё это сделали совсем другие люди. Они подставили принца, а потом убрали его. Вы спрашиваете, при чём здесь империалисты? Это ясно как белый день. Король Бир проявлял лояльность и вёл активные переговоры с коммунистами, тогда мы могли мирно договориться с властями по многим политическим вопросам. А вот король Гьян, который, кстати, намеренно отсутствовал во время стрельбы, поскольку знал, чем всё закончится, и есть слуга империалистов. Договориться с ним и его командой невозможно, мы добьёмся свержения короля и суда над ним, да и вообще ликвидируем монархию и сделаем Непал народной и демократической республикой.

– Вы уверены, что у повстанцев хватит сил, чтобы побороть правительственные войска?

– А вы посмотрите вокруг. Где вы видите эти войска? Они испуганы, забаррикадировались в больших городах или сидят в безопасных базах, огородившись колючей проволокой, а реальная власть в округах и районах принадлежит нам.

– Кто вам помогает?

– Нам помогают граждане всей страны, мы – народная армия, именно в этом залог нашей победы.

– Но форма, оружие... Наверное, это поставляется из-за рубежа?

- Мы не скрываем, что наши сторонники, коммунисты, есть и в Индии, и в Китае...
- Подождите, так в Китае у власти коммунистическая партия?
- Она давно превратилась в тоталитарную партию, изменила принципам великого Мао и по существу является империалистической. Настоящих коммунистов в Китае преследуют.
- Что же в Китае империалистического?
- А вы разве не знаете, что они насильно присоединили Гонконг? И разве не видели у нас, в Непале, тибетцев, бегущих от репрессий? Сам Далай-лама, глубоко мирный человек, подвергся преследованиям, вынужденно попросил убежища в Индии и сейчас живёт там.
- Насколько я понимаю, вы поддерживаете лозунг «Free Tibet», который у вас даже вышивают на майках?
- Конечно, поддерживаю. Тибетские коммунисты и вообще тибетцы ведут благородную борьбу за независимость, и мы помогаем друг другу...

Заканчивая разговор, мы поинтересовались, намерен ли Кеш в случае удачного захвата власти вернуться к учительству и... «благотворительной» деятельности. Сочетается ли бизнес со справедливым коммунистическим правлением? Кеш не ответил прямо, но выразил недовольство тем, что король и кучка окружающих его богачей не дают зарабатывать бедным людям, а всё забирают себе. Ну, понятно, где-то мы это уже слышали и даже изучали.

Не раздувая дальше политэкономический пожар, перешли к приземлённой теме: как нам отсюда выбираться, чтобы не прицепились очередные «мстители»? Кеш ответил, что путешественников повстанцы не трогают, тем не менее он выдаст нам охранную грамоту альтернативного правительства Непала. И будет признателен, если мы внесём в фонд поддержки этого правительства одну тысячу рупий. Кеш подчеркнул, что с его стороны это не требование, а лишь предложение. А также большое одолжение: повстанцы обычно берут с путешественников «налог» величиной два доллара в день, но нам делается поблажка.

Прикинув на калькуляторе, что эквивалент названной суммы составляет около пятнадцати долларов, мы сочли предложение-одолжение приемлемым и без колебаний согласились. Кеш добавил, что его бумага – не только охранный документ, но и своеобразный вексель: когда маоисты придут к власти, то будут эти деньги возвращать при предъявлении документа. Подобный опыт из истории своей Страны Советов мы тоже вспомнили.

Касательно маршрута, Кеш посоветовал двигаться в направлении Ролпы, где есть аэропорт, контролируемый властями. Повстанцы могут взять его в любой момент, но зачем? Они не планируют куда-то лететь и не хотели бы пугать путешественников...

Продолжение в следующем номере

